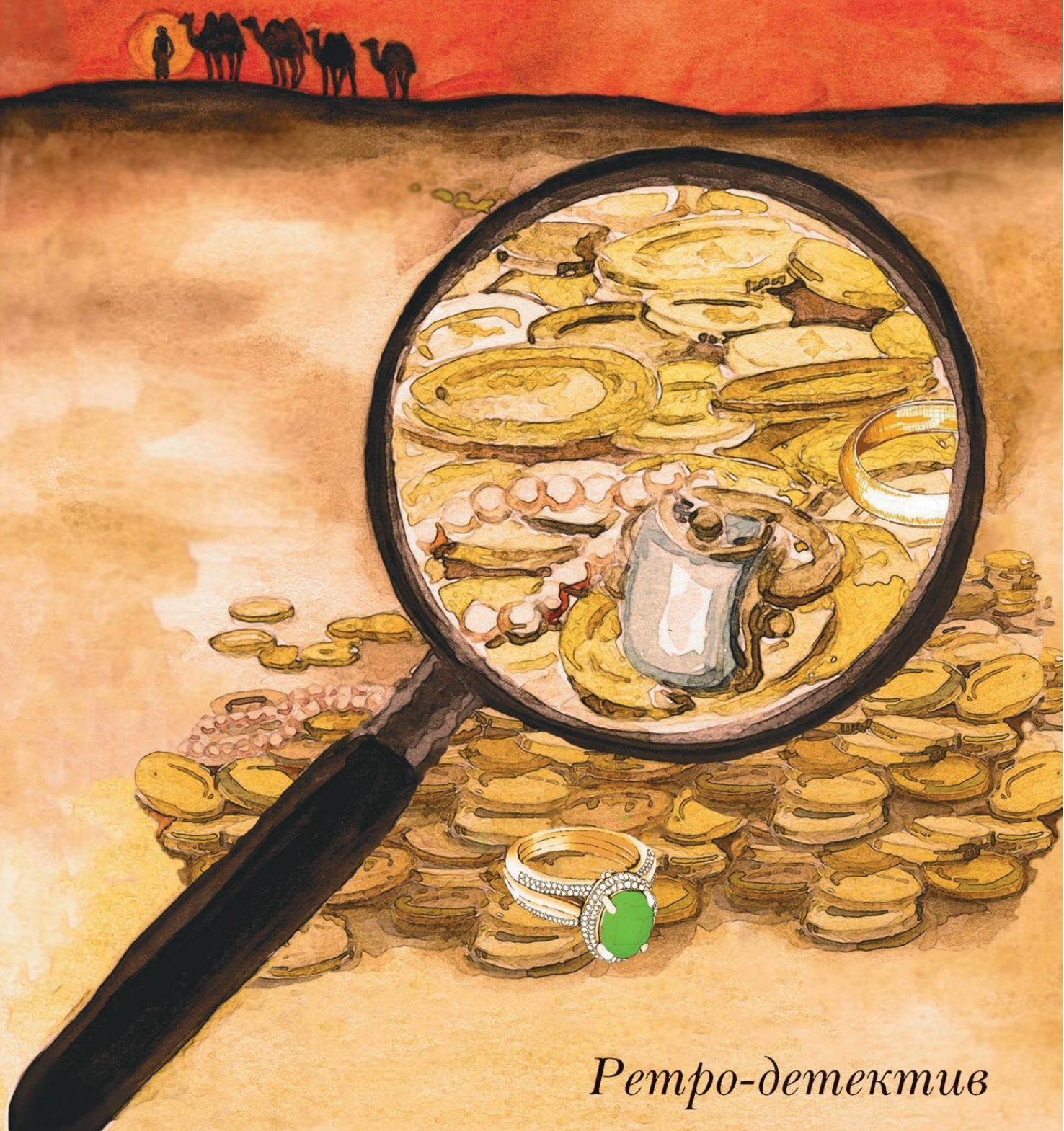

К ВОПРОСУ О МИРАЖАХ

Георгий Куликов

Ретро-детектив

Георгий Куликов
К вопросу о миражах

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Куликов Г. В.

К вопросу о миражах / Г. В. Куликов — «Издательство «Перо»,
2020

ISBN 978-5-00171-206-0

Книга рассказывает о расследованиях преступлений второй половины XX века, которыми занимался инспектор уголовного розыска Евгений Кудрин. При этом прослеживается его жизненный путь с момента прихода в МУР – от молодого лейтенанта до полковника. Книга во многом автобиографична, так как прототипом Кудрина является сам автор. Автор – Георгий Викторович Куликов – родился в 1950 году. Окончил Академию МВД СССР и Дипломатическую академию МИД России. Четверть века служил в органах внутренних дел. Работал первым заместителем министра юстиции Российской Федерации, начальником Главного нормативно-правового управления Союза Беларуси и России, заместителем губернатора Калужской области. Государственный советник юстиции 1-го класса, заслуженный юрист РФ, имеет ряд правительственных наград. За последние десять лет автор написал 15 произведений, опубликованные в разных литературных изданиях, а в 2016 году издал первую книгу «Блюз опавших листьев».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00171-206-0

© Куликов Г. В., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Почти по горячим следам...	5
Далекие следы случайной улики	35
Когда заплакал тупик	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Георгий Куликов

К вопросу о миражах. Ретро-детектив

Почти по горячим следам...

– А вот еще. На посту ГАИ инспектор останавливает машину. В багажнике десять огромных ножей. Водитель говорит: – Я жонглер, работаю в цирке. А инспектор в ответ: – А ну, покажи, что умеешь. Водитель начинает жонглировать ножами на обочине дороги. В проезжающей мимо машине мужик говорит жене: – Хорошо, что пить бросил, смотри, какие тесты выдумали!

Все четверо мужчин, стоящие во дворе отделения милиции громко засмеялись.

– Ну, Кудрин, травишь анекдоты с «бородой», на тебя это не похоже, – сквозь смех проговорил Слава Андреев. Он сегодня был не в духе и начал ворчать с самого утра. Третий день у следователя Андреева ныл коренной зуб и он прекрасно понимал, что вскоре ему все равно придется садиться в кресло стоматолога. А Женю Кудрина, самого молодого из всех инспекторов уголовного розыска отделения милиции, он обвинил зря. Даже если тот и рассказывал старые анекдоты, трудно было не рассмеяться. Видимо этому способствовал его несколько меланхоличный вид.

– Ему бы не в розыск, а в конференсье податься, – размышлял Андреев, но с другой стороны к лейтенанту милиции Кудрину он относился по-доброму и ценил его не за сценический дар, а прежде всего за человеческие качества.

У Кудрина была интересная особенность: помимо отличной памяти на анекдоты, он удивительным образом умел подмечать забавные моменты обыденной жизни и фиксировал их в своем небольшом блокнотике, который неизменно носил в кармане пиджака. Об этом многие знали и, когда собирались в курилке на улице, всегда просили его что-нибудь прочитать из блокнотика.

Вот и сейчас все ждали от него еще одного свежего анекдота из легендарного блокнотика.

– Ну, хорошо, еще один и на сегодня все, – сказал Женя.

– Сидит мужик в ванной, плача стирает свои брюки и говорит: – Черт, никому нельзя доверять, даже самому себе. Я же только пукнуть хотел.

Все стоящие опять дружно захохотали, а Женя, погасив свою сигарету, выбросил окуроч в пустую консервную банку-пепельницу и пошел к себе в кабинет.

День катился к вечеру, а кабинет № 6 в отделении милиции напоминал раскаленный улей. Долговязый молодой человек, сидевший за столом у входной двери, возмущался уже несколько минут, переходя с обыкновенного языка на ненормативный и обратно.

– Ну, какая же она дура, – распаялся он, – развесила свои трусы, майки и прочее исподнее во дворе дома, а сама преспокойно пошла в магазин. Когда вернулась, никакого белья уже не было, свистнули все; ну и конечно она сразу и накатала заявление о краже вещей. Какая же это кража, да она просто их выкинула, а потом жалко стало, вот и донимает меня, кикимора старая!

– Да ладно тебе Витек, – с улыбкой сказал мужчина постарше, с проседью в черных вьющихся волосах, – у всех так бывает. Вот у меня в прошлом году одна бабуля тоже на улице оставила свою клюшку из обычной деревянной палки и ушла. А когда вернулась – той уже не было; два месяца донимала меня, я уже и отказ в возбуждении уголовного дела подготовил, а она знай себе, пишет. Так вот я пошел в лес, срубил такую же палку и отдал ей, после чего она и успокоилась.

– Ты что, Лев Алексеевич, хочешь сказать, чтобы я также где-то нашел такое же белье и отдал ей? – не унимался долговязый.

– А что, – уже смеясь, проговорил Лев Алексеевич, – в соседних домах много белья всякого висит.

– Успокойся Витек, – сказал самый молодой из них лейтенант милиции Женя Кудрин, – Лев Алексеевич шутит, напишешь отказ в возбуждении уголовного дела, и дело в шляпе.

– Женя, да пошел ты знаешь куда? – перебил его долговязый, – там, кстати, и шляпа висела, которую тоже свистнули.

Под общий хохот, дверь в кабинет открылась и, в кабинет вошел дежурный по отделению милиции.

– Витя Колосов, – обратился он к долговязому, – в дежурную часть пришла женщина и срочно требует тебя по краже белья, разберись с ней. А Женя Кудрин – срочно зайди к начальству, там квартирная кража у тебя на территории.

С этими словами дежурный быстро вышел из кабинета.

– Ну вот, – сказал Лев Алексеевич, – сейчас наступят тишина и покой.

Лев Алексеевич Ерихин по возрасту был старшим из оперативного состава отделения милиции и самым опытным сыщиком. Его всегда ставили в пример другим оперативникам и по внимательности к каждой мелочи в раскрытии преступлений и по особому чутью на установление личности преступника. Вот и сейчас, несмотря на шуточки, он был напряжен и думал исключительно о крупной краже из магазина, к расследованию которой он только что приступил. А Женя Кудрин, несколько месяцев назад закончивший среднюю специальную школу милиции, попал по распределению в это отделение милиции, где капитан Ерихин и был назначен его наставником. Между тем, каждый сотрудник старался подстраховать его, помочь молодому милиционеру разобраться в лабиринтах профессии. Вот и сейчас, Лев Алексеевич как бы в назидании произнес: – Обращай внимание на каждую мелкую деталь, на каждый нюанс и запомни: не бывает больших и маленьких дел, бывают преступления, когда нарушается закон. А мы и работаем, чтобы пресекать эти нарушения.

Женя поблагодарил Ерихина и направился к заместителю начальника отделения по розыску Николаеву. Как же ему хотелось быстрее окунуться в жизнь уголовного розыска, изобилующую, как ему казалось, приключениями и неожиданностями. Во время учебы в

школе милиции он часами пропадал в кабинете криминалистики, изучая наглядные пособия раскрытых громких преступлений.

Все было бы ничего, но родители до сих пор не могли смириться с его выбором. Им очень хотелось, чтобы Женя поступил в институт и получил высшее образование, но он был уверен в своем выборе и нисколько не жалел о нем. С этими мыслями он вошел в кабинет Николаева.

– Проходи Женя, присаживайся, – пригласил его начальник.

– Только что в дежурную часть позвонила женщина по фамилии Ермолаева, проживающая в новом кооперативном доме на Коломенском проезде, – продолжал он, – и сказала, что ее квартиру ограбили. Возьми участкового инспектора Рыбина и на нашем мотоцикле поезжай и разберись там, а я уже позвонил в райотдел и эксперт – криминалист уже выехал по адресу.

– Так следователь Андреев здесь, может он поедет со мной? – робко спросил Женя.

– Андреев сейчас поедет на другое происшествие, – отрезал Николаев.

Выйдя из кабинета начальника, Женя буквально столкнулся с участковым инспектором Олегом Рыбиным.

– Привет Женька, а я тебя уже жду, – сказал он, – адрес дежурный мне дал, так что погнали на Коломенский проезд.

Они вышли на улицу, где милиционер Сопин уже завел мотоцикл с коляской, который тархтел, как трактор. Женя, как заправский ковбой, прыгнул в люльку, а Рыбин примостился позади милиционера.

Сколько раз он ни проезжал по Москве, всегда любовался ею, вот и сейчас, несмотря на сильный ветер в лицо, он крутил головой из стороны в сторону, стараясь не упустить ни на йоту красоты города. Вот перед глазами открылся кусочек старой Москвы – Нагатинская улица. Деревянные домики со ставнями создавали неповторимый московский колорит и даже, проносившийся навстречу трамвай, не смог омрачить самобытность старой московской улицы.

Они подъехали к двенадцатиэтажному панельному дому. Видно было, что построен он был совсем недавно. А ведь было время, когда в этом месте стояли утопавшие в садах небольшие низенькие деревянные особнячки, но то время уже ушло и на их месте стали появляться первые московские новостройки. Это были преимущественно панельные пятиэтажки с устаревшей планировкой, все как под копирку серого цвета. В этих домах были уж очень маленькие квартиры, хотя и отдельные, но все же – «спичечные коробки». Они давно перестали отвечать нынешним стандартам комфорта, который в последнее время все больше ценился. На смену им постепенно пришли более современные дома – двенадцатиэтажные с повышенной комфортностью, хотя и были они преимущественно кооперативными. Вот в один из таких новых домов и привела милицейская дорога Евгения Кудрина.

Они подошли к подъезду и увидели, поджидавшего их эксперта-криминалиста Родина. Зайдя в подъезд дома, Женя сразу про себя отметил, что здесь не пахло обычной сыростью, да и света было предостаточно.

Квартира Ермолаевой была на втором этаже, поэтому они поднялись пешком по лестнице.

Дверь открыла женщина средних лет, не отличающаяся яркой внешностью. На вид она была худощавой и немного сутуловатой. Глядя на ее спокойное, приветливое лицо с белоснежной кожей, обрамленное густыми темными кудрями, затянутыми в тугой пучок, Женя отметил и ее женский неповторимый шарм, и принадлежность к старой московской интеллигенции.

Он представился, показал свое удостоверение личности и назвал всех приехавших с ним работников милиции.

– Пожалуйста, проходите в квартиру, – показала жестом Ермолаева и повела гостей на кухню. Еще находясь в прихожей, Женя понял, что квартира двухкомнатная, с окнами, выходящими во двор. Пройдя на кухню, его охватило чувство комфорта и спокойствия; так затейливо, со вкусом разложить подушки на кухонном диванчике, с намеком на цветовую гамму

занавесок и, как бы невзначай, на стеллаже расставить маленькие статуэтки и вазочки – это ли не чувство меры.

Хозяйка пригласила их присесть на стулья, а сама примостилась на диванчике.

– Что у Вас произошло? – спросил Кудрин.

– Я работаю в симфоническом оркестре Большого театра, играю на скрипке и моя жизнь связана с командировками, – начала она, – так вот, сегодня утром я возвратилась с очередных гастролей по Сибири и когда вошла в квартиру, то ничего необычного на первый взгляд не заметила. А чуть позже обнаружила, что со стены исчезла небольшая картина, на которой была изображена моя мама в прошлом балерина нашего театра. Помимо этого, из шкапулки исчезла мамина брошка, на которой была изображена пляшущая балерина и пятьсот рублей денег, которые я копила для покупки дачи. Все остальное на месте и даже четыре картины, которые висят в комнате.

– Так, – важно произнес Женя, – мы сейчас аккуратно пройдем в комнату и я попрошу участкового инспектора пригласить понятых и составить протокол осмотра места происшествия, а нашего эксперта открыть портфель и заняться своей работой.

Место происшествия. Привычные для каждого сыщика слова, но сколько в них таинственного! Когда еще будет восстановлено в деталях это самое происшествие, а сейчас многое зависит от первого знакомства с этим местом. Как учили в школе милиции, необходимо буквально погрузиться в пока неизведанную обстановку, почувствовать себя так, как будто ты не раз бывал здесь и мирно беседовал с хозяйкой.

Они вошли в комнату и, Нина Николаевна показала на стенку, где висела картина, а сейчас торчала лишь шляпка гвоздя.

– Вот здесь она и висела, – сказала Ермолаева, – картина была небольшой и соответствовала старым стандартам французских холстов с прямоугольным форматом и размером примерно сорок пять на тридцать пять сантиметров. На ней была изображена моя мама в молодости в балетном трико, стоящая у станка.

– Где, где? – удивленно спросил Кудрин.

– У станка, – повторила Ермолаева, – у балетных так называется деревянный поручень, за который они держатся и тренируются, оттачивая балетные партии.

– А вот и шкапулка, в которой лежали брошка и деньги, – сказала она и показала на небольшую коробочку из белого благородного камня, стоявшую на открытой полке серванта.

– Пока мои коллеги занимаются своим делом, пойдемте на кухню, Вы мне подробнее расскажите обо всем, – сказал Кудрин.

– А я пойду к соседям и приглашу их в качестве понятых, – проговорил участковый инспектор и вышел из квартиры.

Хозяйка квартиры и Женя прошли на кухню и сели за небольшой кухонный стол. Она достала из шкафа пепельницу и пачку сигарет.

– Когда я волнуюсь, меня тянет покурить, – сказала Ермолаева, доставая из пачки сигарету.

– Это, судя по виду, заграничные сигареты? – спросил Кудрин.

– Да, мы весной были на гастролях по Италии, вот я и купила там блок сигарет «Кент» – ответила хозяйка квартиры. Они очень легкие и я иногда ими балуюсь. Кстати, если Вы курите, угощайтесь.

– Спасибо, – ответил Женя и, вытащив из пачки сигарету, зажег спичку и поднес ее, чтобы прикурить сначала Ермолаевой, а потом – себе.

– Классные сигареты, – только и смог сказать Кудрин, затягиваясь дымом, – расскажите более подробно о картине и брошке.

– Видите ли, – начала Нина Николаевна, – живу я одна, в свое время был неудачный брак и, больше я не пыталась создать семью. Мама моя Лаевская Ольга Павловна в свое время тан-

цевала в Большом театре, а потом долгое время преподавала в Московском хореографическом училище. Умерла она пять лет назад от воспаления легких. С детьми у меня не случилось, а вот двух сестер, детей сестры моей мамы я просто обожаю, правда, живут они в Ленинграде и видимся мы не часто.

– Ну а теперь собственно про эту картину, – продолжала Ермолаева, – она была написана художником Модильяни в 1911 году и подарена им маме на выставке, проходящей в том же году в Париже.

– А что Ваша мама делала в Париже? – спросил Женя.

– Я Вам уже говорила, что она была балериной Большого театра и была приглашена Дягилевым на летний период. Она танцевала в балетных спектаклях русских сезонов в Париже.

– А кто такой Дягилев? – тихо спросил Женя.

– Дягилев? – О, это русский театральный деятель, один из организаторов «Русских сезонов» в Европе, – сказала Нина Николаевна, – жаль, что о нем сегодня все забыли и никто не вспоминает. А ведь он впервые представил Европе русское искусство балета, восхитив тем самым изощренную и сытую дешевыми постановками западную публику.

– Так, по рассказам мамы, – продолжала она, – в один из вечеров после спектакля, к ней в гримерку зашел театральный художник Лев Бакст, который в то время художественно оформлял постановки и пригласил ее на кофе в соседнем кафе. Мама была тогда удивлена этому приглашению, так как рядовых артисток балета, люди такого ранга редко когда приглашали. Они зашли в кафе, где их ждал худощавый человек, которого Бакст представил как своего знакомого тоже художника по имени Амадео Модильяни. Поскольку тот художник не говорил по-русски, то переводил с французского – Бакст.

Модильяни рассказал, что он присутствовал на нескольких балетных спектаклях и ему очень понравились две танцовщицы Анна Павлова и Ольга Лаевская. Он хотел бы написать портреты этих балерин. Однако Павлова вообще неприступна и отказалась даже встретиться, поэтому он попросил маму попозировать ему, уж очень хотел он написать ее портрет. Мама тогда ему отказала, ее шокировал неопрятный вид этого Модильяни и винный перегар из его рта. Если бы не уважаемый художник Бакст, она бы никогда не обратила внимания на этого неряху. Однако, этот итальянец оказался настырным и уже на следующий день после спектакля сам пришел в гримерку с букетом цветов. Он жестом пригласил ее выйти в коридор и когда она вышла, то увидела улыбающегося Бакста.

Одним словом, почти неделю после спектакля в репетиционном зале по вечерам она позировала этому итальянцу. Где-то, через месяц, по завершении спектаклей во Франции, Лев Бакст пригласил маму посетить выставку художников. Когда они пришли туда, их встретил улыбающийся Модильяни с какой-то моложавой женщиной с горбинкой на носу. Он пытался ее представить, но она на чисто русском языке поздоровалась и сказала, что она русская и зовут ее Анна Ахматова. И еще она сказала, что Амадео написал и ее портрет, который также находится на его стенде. Бакст в свою очередь представил ей мою маму, ну и, конечно, самого себя. Они все вместе подошли к стенду, где висели картины Модильяни и, как рассказывала мама, на самом видном месте в центре находился большой портрет Ахматовой. Ей тогда понравилась эта картина, которая выделялась утонченностью линий и особенно, на ее взгляд, очень четко был прописан ее горбатенький нос. В конце стенда висели две небольшие картины, в которых мама узнала себя и ей было необыкновенно приятно от того, что ее образ был на этой выставке наравне с портретами других уважаемых лиц того времени. Маме очень понравились эти картины, да и Бакст выразил свое восхищение. Тогда Модильяни неожиданно снял со стенда одну из них, на которой мама в балетном трико стоит у станка и отдал ее ей, при этом что-то сказал по-французски. Бакст перевел, что итальянец дарит маме картину на память, подчеркнув при этом, что в этом весь Модильяни, как ему захочется, так он и делает: пишет того кто понравился

и не задумываясь дарит свои шедевры. Мама поблагодарила его за такой царский подарок и они расстались, так как ей необходимо было присутствовать на заключительном сборе трупы.

– Таким образом, картина оказалась у мамы, – проговорила Нина Николаевна, – сначала она висела в нашей маленькой квартирке на Плющихе, а когда я несколько лет назад поменяла ее на эту кооперативную, перекочевала на стенку новой квартиры.

– Понятно, – сказал Кудрин, – а что Вы можете сказать о брошке?

– Брошку-балеринку, как ее звала мама, ей подарил один из поклонников также во время гастролей по Франции, – ответила Ермолаева. По ее словам, в тот год русский балет произвел фурор среди искушенной французской публики и, почти после каждого спектакля, масса мужчин пыталась познакомиться с балеринами и подарить им цветы и сувениры. Одним из таких сувениров и была брошка-балеринка. Мама однажды вскользь сказала, что эту брошку ей подарил один из мастеров парижского ювелирного дома «Ван Клиф». Брошь действительно уникальна: на серебряной основе изображена балерина, а вокруг нее обрамление из трех маленьких бриллиантов.

– А какова приблизительно ее стоимость? – спросил Кудрин.

– Я не знаю, – ответила Нина Николаевна, – мы с мамой никогда ее не оценивали, ни к чему было.

– А нет ли случайно у Вас каких-нибудь фотографий, где можно увидеть картину и брошь? – тихо спросил Женя.

– Ну, насчет брошки точно нет, а вот картина, по-моему, есть на домашних фотографиях, – сказала хозяйка квартиры и стала искать что-то на кухонном стеллаже.

В этот момент на кухню вошли участковый инспектор и эксперт-криминалист.

– Протокол осмотра места происшествия я составил, понятых отпустил, а сейчас опрошу других соседей, может кто-то что-нибудь видел, – сказал Рыбин и вышел из квартиры.

– Я тоже закончил свою работу, – сказал эксперт-криминалист, – чужих следов на замке и в комнате я не обнаружил, отпечатки пальцев везде одни и те же и скорее всего, принадлежат хозяйке квартиры. Но есть маленький нюанс, – хитро улыбнувшись, проговорил он и показал клочок бумажки, на которой был виден номер и слово «...ателье».

– Она лежала на полу комнаты под сервантом, – сказал он. И еще эксперт обнаружил там же круглую небольшую пуговицу белого цвета с темной окантовкой. Женя и хозяйка квартиры внимательно посмотрели на нее, так как она была хорошо видна на ладони эксперта, одетые в темные резиновые перчатки.

– Это не моя пуговица, – с уверенностью сказала Нина Николаевна – похоже, она могла принадлежать мужской рубашке, так как женщина вряд ли стала бы носить блузку с такой отвратительной вещью. Кстати, в ателье я не хожу, потому что покупаю себе обновы в командировках.

Кудрин взял у эксперта-криминалиста обрывок квитанции и положил к себе в папку, а пуговицу Родин спрятал в свой чемоданчик.

– Придется искать человека, который был в ателье и что-то себе шил, а также хозяина этой пуговицы, – тихо проговорил Кудрин.

– Я поеду на работу, а экспертное заключение вышлю с оказией через дежурного по райотделу, – сказал эксперт и также вышел из квартиры.

– Продолжим, Нина Николаевна, – проговорил Женя и снова уселся на свой стул.

Ермолаева вынула из альбома фотографию, на которой они вместе с другой женщиной были запечатлены в ее комнате, а слева от них была отчетливо видна картина балерины, висевшая на стене.

– Кто эта женщина? – спросил Кудрин.

– Это Паула Порелли, моя знакомая из симфонического оркестра театра «Ла Скала» в Милане, – ответила она, – в позапрошлом году наш театр гастролировал в Италии и мы там

познакомились. А весной, прошлого года, итальянский театр был на гастролях в Москве и я пригласила ее к себе в гости. Она пришла со своей подругой – скрипачкой из их оркестра, которая и сфотографировала нас с Паулой. А зимой уже этого года, когда мы снова были в Милане, она и подарила мне эту фотографию.

– А можно я у Вас на некоторое время возьму ее? – спросил Женя.

– Ну, если это очень надо, то берите, но с отдачей, – сказала она.

– А может быть есть все-таки фотография брошки? – переспросил еще раз Кудрин.

– Нет, – повторила Ермолаева, – но я могу ее нарисовать.

Она взяла чистый лист бумаги и стала авторучкой рисовать. Минут через десять она показала Кудрину рисунок, на котором и он увидел круглую брошку, с танцующей балериной, а по бокам сияли три солнышка.

– А что это за солнышки? – спросил Женя.

– А это я так изобразила три бриллиантика, вот такая уж у меня фантазия, – улыбаясь, сказала она.

– Ну, хорошо, теперь я попрошу Вас написать в произвольной форме заявление о краже из Вашей квартиры, – строго проговорил Кудрин.

Пока хозяйка квартиры писала заявление, Женя еще раз взглядом осмотрел квартиру. В гостиной на большом диване, обтянутом фактурным цветным гобеленом расположились маленькие атласные подушечки, а рядом нависал старинный деревянный комод, явно ручной работы.

– Хозяйка с удовольствием подошла к интерьеру своей квартиры, – отметил про себя Женя.

Когда она закончила писать, Кудрин взял у нее заявление и вместе с фотографией и рисунком положил в свою папку. Затем, попрощавшись с Ермолаевой, вышел из квартиры. На лестнице его ждал участковый инспектор, который сказал, что соседи ничего не видели и не слышали. Они вышли на улицу, сели в свой мотоцикл и поехали в сторону отделения милиции.

По приезду Женя передал документы для регистрации в дежурную часть и сразу же направился для доклада к Николаеву. Павел Иванович внимательно выслушал Кудрина, посмотрел на фотографию и рисунок, сделанный Ермолаевой и, взяв со стола лупу, стал разглядывать обрывок квитанции, найденный в ее квартире.

– Вот что я думаю, – сказал он, положив лупу обратно на стол, – во-первых, постарайся обзвонить все ателье нашего района, может быть, по номеру квитанции можно будет определить, кому она принадлежала. Хотя, конечно, по всей Москве много разных ателье, но попробуй. Во-вторых, если действительно это была картина знаменитого итальянского художника Модильяни, то это очень серьезно. Сегодня его работы очень дорого стоят на различных западных аукционах, поэтому я позвоню одному знакомому искусствоведу из Пушкинского музея, может быть, он что-то прояснит об этой картине. А ты завтра прямо с утра поезжай в музей и поговори с ним. В-третьих, отправляйся сейчас в райотдел и попроси криминалистов, чтобы из этой фотографии вычленили только картину и постарались сегодня же размножить и ее и рисунок брошки, а потом нужно разослать их по всем районам города с ориентировкой на возможную продажу картины и брошки в ювелирных мастерских и художественных салонах. И еще, докладывай мне о каждом шаге расследования, ведь ты еще не очень опытный в этих делах, поэтому я, по возможности, буду тебе помогать.

– Понял, Павел Иванович, – сказал Женя и вышел из кабинета начальника. Оставшуюся половину дня он занимался выполнением поручений Николаева. Где-то к вечеру дежурный по отделению милиции передал ему записку от Павла Ивановича, в которой был написан телефон и фамилия искусствоведа – Загорский Сергей Сергеевич.

С утра следующего дня Женя сразу поехал в Пушкинский музей. Выйдя из метро, через несколько минут он подошел к главному зданию музея.

– Какой же он величавый! – с восхищением подумал он, подойдя к зданию с мраморной колоннадой, похожему на античный храм. А теперь – это храм искусств. Женя, вдруг, вспомнил, что когда ему было лет десять, он был уже здесь с родителями, но мало, что запомнил. Память вытащила из своих анналов лишь статуи и мумии людей и большое количество картин, висевших в залах музея.

Он подошел к вахтеру, стоящему у дверей музея, представился ему и попросил позвать Ивана Ивановича Загорского. Минут через десять к нему подошел мужчина средних лет и спросил, – это Вы, Кудрин Евгений от Николаева?

– Да это я, – ответил Женя.

– Тогда пройдемте со мной, – сказал Загорский и повел его по парадной лестнице наверх. Женя крутил головой налево и направо: вдоль лестницы возвышались колонны красного цвета, слегка поблескивающие в ярком свете висевших на потолке огромных люстр. На втором этаже они вошли в большой зал, где Загорский подошел к незаметной двери и, открыв ее, зашел вовнутрь. Кудрин последовал за ним и оказался в небольшом кабинете, в середине которого стоял стол, а по бокам два стула.

– Присаживайтесь, молодой человек, и расскажите, что привело Вас в этот храм искусств, – сказал Загорский, усаживаясь в свое кресло, – как мне вчера говорил Павел Иванович, Вы хотели со мной поговорить по поводу картин Модильяни.

– Начну все по порядку, – проговорил Женя, – несколько дней назад в одной московской квартире произошла кража, вору похитили картину, которую, по словам хозяйки, нарисовал Модильяни.

– Так, так, это очень забавно, – живо откликнулся Загорский, – но, насколько мне известно, в советских музеях его картин нет, за исключением двух рисунков, хранящихся в фондах нашего музея.

– Мать потерпевшей, Ольга Лаевская, давно ушла из жизни, – продолжал Кудрин, – но в начале нашего столетия, она была балериной Большого театра. И в тысяча девятьсот одиннадцатом году танцевала в русских сезонах у Дягилева в Париже. Во время гастролей ее, через театрального художника Льва Бакста, попросил попозировать художник Амадео Модильяни. Он объяснил это тем, что она ему очень понравилась, как балерина и он очень хотел бы написать ее портрет. В итоге он нарисовал две небольшие картины и поместил их на проходящей в то время в Париже выставке. На закрытие этой выставки по приглашению Бакста и пришла балерина Лаевская. Как рассказывала ее дочь, балерина была восхищена работой художника, а он расчувствовался, снял одну из этих картин прямо со стенда и подарил ей на память. С тех пор картина все время висела в квартире сначала Лаевской, а потом ее дочери.

Кудрин достал из своей папки фотографию картины, увеличенную криминалистами, и показал ее Загорскому. Тот долго и внимательно смотрел на нее и неуверенно произнес: – Если это действительно картина кисти Модильяни, то мы не знали об этом. У меня нет слов... – Знаете что, – встрепенулся он, – мы сейчас с Вами пройдем на третий этаж, там работает наш старейший искусствовед доцент Павлов Илья Платонович, – он много чего знает про художников и их картины и все его за глаза называют «ходячей энциклопедией».

Через пару минут они уже входили в длинную продолговатую комнату, по стенам которой, висели картины. В самом углу комнаты за массивным столом склонился седоволосый старичок, рассматривая что-то через большую лупу с длинной ручкой. Они поздоровались. Старичок, как показалось Жене, был выраженным холериком, особенно это почувствовалось, когда он снова стал рассказывать про похищенную картину Модильяни. Павлов, вдруг, встал из-за стола и, заложив руки за спину, стал быстрым шагом ходить от стенки к стенке.

– А Вы, голубчик, уверены, что это была картина кисти Модильяни? – спросил он, продолжая вышагивать вдоль комнаты.

– Я нет, – проговорил Кудрин, а вот хозяйка квартиры утверждала, что это именно так.

– Если это так, так это сенсация! – надрывным голосом проговорил старичок.

Женя показал ему фотографию этой картины, а Павлов, взяв со стола свою лупу, принялся ее рассматривать.

– Вот о чем я думаю, – выдохнул старичок, не отводя своего взгляда от фотографии, – ведь после каждой такой выставки во все времена издавался альбом репродукций, выставленных картин.

– Но у нас-то точно нет альбома репродукций картин за тот год, – сказал Загорский.

– А фотографии с этих альбомов могут где-то валяться в хранилище нашего архива, – резко проговорил Павлов и хлопнул в ладоши, – да, да, наверняка они есть!

– Вот смотрю я на эту фотографию, – продолжал старичок, – и вижу, что стиль и линии очень похожи на этого выдающегося итальянца. Ведь для Модильяни тело, это всего лишь тонкая оболочка, сквозь которую просвечивается душа человека. Вы знаете, почтеннейший, люди на портретах Модильяни очень своеобразные. Скорее он передавал характер и душу, добавляя то, чего в зеркале человек не видит. А самое интересное, что Модильяни, в основном, писал людей, которые ему просто понравились – это и портреты друзей или просто знакомых, которые окружали в то время этого художника. Поэтому, вполне возможно, что эта балерина произвела на него сильное впечатление и он решил написать ее портрет.

– Иван Иванович, голубчик, – обратился он к Загорскому, – зайдите, душа моя, в наш архив, вдруг, найдете какие-нибудь фотографии с выставки за тот год.

Загорский кивнул головой и вышел из кабинета, а старичок опять подошел к своему столу, присел за стол и, как ни в чем не бывало, продолжил что-то рассматривать.

Женя сидел тихо, боясь нарушить тишину, привычную для хозяина кабинета. Прошел час, сидеть на одном месте надоело и Женя, встав со стула, начал рассматривать, висевшие на стенах картины.

– Это, молодой человек, копия Шишкина, а это – копия самого Айвазовского, – пробурчал старичок, не поднимая глаз со стола.

Посмотрев все картины, Женя снова сел на свой стул и начал подумывать, чтобы пойти в зал и посмотреть экспозиции музея, пока Загорский ищет фотографии. В этот момент дверь резко распахнулась и на пороге появился Загорский с большой папкой красного цвета.

– Нашел, Илья Сергеевич, нашел, есть несколько фотографий из альбома той выставки, – возбужденно проговорил Загорский.

Положив папку на стол Павлова, он раскрыл ее и оттуда посыпались старые поблекшие фотографии. Старичок очень быстро и ловко стал разбирать их и когда они почти закончились в папке, с самого дна извлек фотографию, на которой были запечатлены восемь картин, в середине которых находились две с изображением балерины. На первой картине был изображен портрет балерины в трико, стоящей у балетного станка, а на второй – портрет этой же балерины в прыжке. Под фотографией на французском языке отчетливо была видна фамилия автора – Модильяни.

Женя вновь достал из кармана свою фотографию и сравнил ее с той, где балерина стояла у станка. Все подошли к нему и внимательно рассмотрели эти две фотографии. Сомнений не было, они оказались идентичны.

Минут пять все молчали, потом Павлов вдруг оживился и произнес: – это поразительно! Но где же картина сейчас... ее надо непременно найти, товарищ милиционер, а уж я постараюсь выяснить судьбу второй картины.

– Вы Евгений сразили меня, – медленно сказал Загорский, – сколько же лет шедевр лежал у нас под носом, а мы и не знали.

– А какова приблизительно стоимость этой картины? – спросил Кудрин.

– Если это действительно работа Модильяни, то, примерно, полмиллиона долларов, а две картины вместе – так целый миллион долларов, – сказал Павлов, засовывая в рот таблетку.

Запахло валидолом. Женя подошел к столу, налил из графина стакан воды и протянул Павлову.

– Спасибо, не надо, – сказал он, – я очень разволновался, простите, сейчас все пройдет.

– Ну что же, спасибо Вам за консультацию, – сказал Женя, – мне пора идти искать эту картину.

И Вам, Евгений, огромное спасибо, не каждый день такое происходит в нашем музее, – проговорил Загорский.

И старичок долго тряс руку, и благодарил за содействие, хотя о каком содействии он говорил, Женя не совсем понял.

Приехав в отделение милиции, Кудрин первым делом, пошел на доклад к Николаеву.

– А я только что тебя вспоминал, – пробасил Павел Иванович, – позвонили ребята с Октябрьского райотдела, там в одну ювелирную мастерскую сегодня утром приносили похожую брошку для оценки. Мы договорились, что ты завтра с утра поедешь в райотдел и зайдешь к моему однокашнику майору Евсееву Степану Ильичу. Он опытный сыщик и подскажет тебе, как действовать дальше. А сейчас расскажи про твой поход в Пушкинский музей.

Женя подробно рассказал ему о своих встречах и неожиданностях, произошедших в связи с пропавшей картиной. А самое главное – так это то, что картина, по всей вероятности, действительно, принадлежит кисти Модильяни и имеет баснословную цену.

– Вот видишь, Женя, сколько нового ты для себя узнал: и про Модильяни, и про Бакста, и про Дягилева. Люди какие – глыбы искусства, – сказал Николаев, – только думаю я, что картина вряд ли где проявится, а вот брошка – вполне реально может появиться у каких-нибудь скупщиков. И вот она-то и будет той ниточкой, которая и приведет нас к похищенной картине.

Целый вечер Женя обзванивал разные ателье, но такого номера квитанции ни в одном из них не существовало. Неудача немного обескуражила, но он понимал, что и такое бывает, когда версия, казавшаяся еще утром самой реальной, к вечеру не оправдала надежд.

В конце концов, он устал и, откинувшись на спинку стула, закрыл глаза и задремал.

– Что такое усталость? – подумал Женя, – по сути это естественный сигнал организма, что он нуждается в отдыхе. А поскольку, уже ни на что нет сил и невозможно сосредоточиться – пора идти домой.

В этот момент в кабинет вошел его коллега – инспектор уголовного розыска Саша Блинов и прямо с порога, увидев склонившегося над столом Женю, громко проговорил, – ты что раскис, уже вечер, а мы еще ни в одном глазу. Блинов любил, иногда, в конце рабочего дня, как он говорил «пройтись по стопочке», но Женю это предложение мало вдохновляло, он больше воодушевлялся, слушая свой любимый джаз.

– Может по маленькой стопочке? – спросил Блинов.

– Да нет, не хочется Саша, я очень устал, – ответил он.

– Ну, тогда хотя бы новый анекдот расскажи, – не унимался Блинов.

Своим напором Саша немного раскачал Кудрина, усталость отступила и он даже как-то встрепенулся.

– Значит так, – начал Женя, – пьяница зашел с бутылкой водки в автобус и плюхнулся на сиденье.

– Эй, а за проезд, – крикнула контролерша.

– Ну, за проезд, так за проезд, – сказал мужик и отхлебнул из горла.

Блинов захохотал и от удовольствия захлопал в ладони, уж очень ему нравились анекдоты про алкашей; он, видимо, чувствовал в этих образах родственные души.

А ты знаешь, Женька, что такое настоящая усталость? – спросил он.

– Ну, поведай, – устало проговорил Кудрин.

– Это когда тыходишь в комнату, – начал Блинов, – а там, на кровати, лежит обнаженная красotka. Ты подходишь к ней, раздеваешься, сбрасываешь ее на пол – и... ложишься спать.

Женя улыбнулся и, поднявшись со своего стула, стал собираться домой.

– Может все-таки по маленькой, – жалобным голосом проговорил Блинов.

– Да нет Саша, в другой раз, – ответил Кудрин и, попрощавшись, вышел из кабинета.

На следующий день, не заходя к себе на работу, он отправился в Октябрьский РОВД. Женя быстро нашел кабинет майора Евсеева и, постучавшись, открыл дверь.

– Да, заходите – сказал немолодой человек, сидящий за столом.

– Лейтенант милиции Кудрин Евгений, – представился он майору и показал свое удостоверение личности.

– А, помню, мне вчера вечером Паша Николаев звонил, – проговорил майор, – проходи лейтенант и присаживайся на стул, а я пока попрошу зайти нашего инспектора БХСС Николая Зайцева, он звонил в твое отделение милиции по поводу брошки.

Через несколько минут в кабинет зашел молодой мужчина с широкими плечами и короткой стрижкой на голове.

– Знакомьтесь, – сказал Евсеев, – капитан милиции Зайцев Николай, а этот молодой человек – лейтенант милиции Кудрин Евгений из Красногвардейского РОВД. Это по поводу брошки.

Зайцев не спеша сел и неторопливо начал рассказывать.

– Несколько дней назад нам поступила сводка-ориентировка о краже картины и брошки из квартиры на Коломенском проезде, – сказал он, – мы в сою очередь проинформировали своих доверенных лиц об этом. И вот вчера вечером, один из них сообщил, что днем к директору ювелирной мастерской на Ленинском проспекте, приходил человек и просил оценить брошку, очень похожую на ту, которая была на рисунке ориентировки.

– Вот как! – вырвалось у Кудрина, – а каким образом он увидел ту брошку, он что, на потолке сидел?

Зайцев удивленно посмотрел на Женю и грубо ответил: «Тебе что, это очень важно, он случайно находился за стеллажом в этом помещении и успел рассмотреть эту брошку. Кстати, директор сам его попросил разобрать тот стеллаж, а потом просто забыл про моего человека. Он просил оценить эту брошку, но продавать не хотел.

Директор ничего не сказал, а только попросил разговор продолжить на улице, после чего они вышли из мастерской.

– Понял, – ответил Кудрин, – извините меня товарищ капитан за несдержанность.

– Да ладно, – примирительно проговорил Зайцев.

– Молодой еще парень, – сказал молчавший Евсеев, – но ничего, опыт приходит с годами, а вот то, что он попросил извинения за свою горячность – похвально, не каждому дано преступить через свою гордыню и извиниться.

– Да забыли уже, – проговорил Зайцев, – я думаю, что надо сейчас посетить директора ювелирной мастерской и узнать, кто принес ему брошку.

– А кто этот директор ювелирной мастерской? – спросил Женя.

– Это некий Лайман Борис Моисеевич, – ответил Зайцев, – старый хитрый ювелир, который работает в этой мастерской еще с довоенных лет. Он несколько раз фигурировал в уголовных делах по хищению драгметаллов, но всякий раз выходил сухим из воды.

– Крутой дядя! – воскликнул Женя.

– Не то слово, – ответил Зайцев.

– А Вы, товарищ капитан, не раскроете с нашим приходом своего человека? – спросил Кудрин.

– Правильные вопросы задает лейтенант, – с улыбкой сказал Евсеев.

– Да нет, когда директор с тем мужиком вышли на улицу, мой человек незаметно вышел оттуда. А потом, мы просто покажем Лайману рисунок и посмотрим на его реакцию; мой приход, по его разумению, ничего хорошего для него не сулит. Вот Лайман и будет в своей голове,

как на весах взвешивать, говорить правду или молчать. У меня кое-что есть, что сказать ему, думаю, он будет сговорчив.

Через несколько минут они уже шагали по Ленинскому проспекту в направлении ювелирной мастерской.

Минут через двадцать они подошли к жилому дому, на первом этаже которого красовалась вывеска «Ювелирная мастерская». Они зашли в небольшую комнату, в центре которой стоял стол, на котором восседал грузный полный мужчина.

– Добрый день, – сказал Зайцев, – мы к Борису Моисеевичу.

– А Вы что, с ним договаривались? – спросил он.

– Он всегда рад видеть меня, – ответил капитан, показывая свое удостоверение личности.

– А, это меняет дело, – проговорил мужчина, – Вам тогда в последнюю комнату по коридору.

Постучавшись, они зашли туда; за столом сидел человек и что-то писал.

– Доброго здоровья Борис Моисеевич, – протяжно проговорил Зайцев.

– И Вам не хворать, – ответил он, вставая со своего кресла.

Женя с интересом посмотрел на него; это был пожилой мужчина с роскошным профилем: густыми выщипанными седыми волосами, ухоженной белой бородой и атлетическим строением без выраженных возрастных изменений. Одет он был в стильный темно-синий костюм, накрахмаленную белую рубашку и бабочку синего цвета.

– Что Вас привело ко мне? – спросил он, указывая рукой на стулья, стоящие у стола.

– Как Ваше самочувствие Борис Моисеевич? – вопросом на вопрос проговорил Зайцев.

– Но ведь Вы не за этим сюда пожаловали? – спросил ювелир, – и я скажу, что здоровье мое в полном порядке.

– Ну, вот и хорошо, – проговорил капитан, – тут недавно ко мне ворона на хвосте принесла, что некому ювелиру из Якутска левые «камушки» подкинули. Вы случайно не в курсе, какому такому ювелиру так повезло?

Лайман на секунду опешил, на лбу у него выступил пот, а прищуренный взгляд выдал некую обеспокоенность, которую он постарался скрыть, скосив глаза вниз.

– Не могу знать, у меня в мастерской полный порядок в отчетности, – скороговоркой ответил Лайман, – могу показать все документы.

– Верю, Борис Михайлович, – ответил Зайцев, – я ведь только вслух высказал то, что мне прошептала на ухо ворона, а насчет Вас я ничего не знаю, Вы – уважаемый человек в районе.

Наступило молчание. Ювелир старался не смотреть в сторону пришедших работников милиции, а уставился в окно, нервно теребя пальцами мочку правого уха.

– Так и зачем Вы все-таки приходили? – переспросил он.

– Да, чуть не забыл, – проговорил капитан, – посмотрите на этот рисунок.

Женя вынул из кармана листок бумаги, на котором была нарисована брошка-балеринка, и протянул его ювелиру.

– Вам не приносили ее на продажу? – спросил Зайцев.

Ювелир взял листок бумаги и стал внимательно рассматривать рисунок; он смотрел на него минут пять, потом взгляд его переместился на капитана, затем на Кудрина. Еще несколько минут Лайман рассматривал рисунок, потом передал его Кудрину.

– Несколько дней тому назад ко мне приходил человек с брошкой, похожей на этом рисунке, – медленно проговорил Лайман, – продавать он ее не хотел, а лишь попросил оценить ее стоимость. Это была дорогая старинная брошь, изготовленная во Франции ювелирным домом «Ван Клиф». Этот экземпляр, с изображением балерины на брошке, принадлежит к первым работам французских ювелиров и, скорее всего, был изготовлен где-то в начале века. Я тогда оценил ее где-то, в размере одной тысячи рублей. Потом этот человек ушел и больше не заходил к нам в мастерскую.

– А кто этот человек? – быстро спросил капитан.

– Истинный бог не знаю, – ответил Лайман.

– А если хорошо подумать, Борис Моисеевич, с учетом ранее высказанных мной мыслей, про шепот вороны, – с улыбкой проговорил Зайцев.

Немного помедлив, ювелир обошел вокруг стола, как бы соображая, что говорить и подошел к капитану.

– «Артист» это был – местный мошенник, сказал Лайман, – я с такими людьми стараюсь не общаться, я даже с ним вышел разговаривать на улицу.

– А Вы ведь его раньше знали, Борис Моисеевич, – укоризненно проговорил Кудрин, – даже кличку его назвали.

– Да, где-то лет пять тому назад, он мне заказывал золотую мужскую печатку, а что касается клички, то так его тогда дружки называли. У меня даже сохранился его номер телефона.

Лайман подошел к шкафу, взял какую-то папку и порывшись достал корешок квитанции, на котором была написана фамилия «Варламов», под которой авторучкой был приписан номер телефона.

– Судя по номеру телефона, этот Варламов живет на нашей территории, – сказал Зайцев.

– Да, – подтвердил Лайман, – он местный, я его несколько раз видел в кафе у магазина «Тысяча мелочей» на Ленинском проспекте.

– Ну, спасибо, Борис Моисеевич, – проговорил, прощаясь, Зайцев, – до будущих приятных встреч и не делайте больше так, чтобы ворона снова прилетела ко мне.

– Всего хорошего, – сказал ювелир и сел за свой стол.

На следующее утро Кудрин вновь приехал в Октябрьский РОВД и сразу направился к майору Евсееву. Выслушав Женю, он как-то странно на него посмотрел и, поджав кулак к щеке, не спеша стал говорить.

– «Артист» – это известный в районе «щипач» – вор-карманник, – проговорил Евсеев, – тебе видимо в школе милиции говорили о такой категории воров. Это, брат мой, высшая каста преступного мира. Virtuозы своего «дела», они иногда сравнивают себя с артистами оригинального жанра. Образ «щипача» совсем не похож на образ традиционного преступника – это не амбал, которому мать-природа выделила одну единственную извилину и, который способен лишь на разбойные действия. Преступный мир всегда преклонялся перед дисциплиной «щипачей». Они ведь, уважаемый Евгений, спиртного не употребляют, по утрам делают зарядку, соблюдают режим питания, что не так легко при их воровской жизни. Однако, такое насилие над собой приносит определенные плоды: у них обостряется зрение и слух, а самое главное – реакция становится молниеносной.

– Так что «Артист» не простой вор, – продолжал майор, – надо еще подумать, как с ним работать по брошке. Он может просто замкнуться и ничего ты ему не предъявишь, а косвенные улики – это не про него.

– И что же делать? – робко спросил Женя.

– Для начала, надо поговорить с Иваном Носовым, – сказал Евсеев, – участковым инспектором, на территории которого проживает «Артист», он же Варламов Петр Сергеевич.

Майор на секунду задумался, после чего позвонил в дежурную часть и поинтересовался о местонахождении участкового инспектора Носова. Дежурный ответил, что только что закончился инструктаж у руководства, на который прибыли участковые инспектора отделений милиции района и что Носов сейчас в зале для совещаний. Евсеев попросил, чтобы дежурный пригласил его зайти в его кабинет.

Через пять минут в кабинет постучали и на пороге появился молодежавый старший лейтенант милиции.

– Просили зайти Степан Ильич? – обратился он к Евсееву.

– Да, Ваня, заходи и присаживайся, – проговорил майор, – знакомься – мой коллега из Красногвардейского района Евгений Кудрин.

Женя коротко рассказал Носову о цели своего визита и попросил его рассказать о человеке по кличке «Артист».

– Это Варламов Петр Сергеевич, – начал рассказывать он, – вор-карманник, промышленяет в крупных универмагах нашего района. Судим за кражу, освобожден из мест заключения полгода назад. Фиктивно работает на плодоовощной базе, я у него и справку из отдела кадров видел, хотя мне кажется, что он даже не знает, где она находится. Проживает у нас на территории с матерью, которая часто болеет, а отец где-то пропал на заработках в тайге лет десять назад.

– Ну что еще могу сказать о нем, – проговорил, задумываясь Носов, – не выпивает, в компаниях замечен не был, но любит перекинуться в карты – это, пожалуй, единственная слабость «Артиста». Тут мне недавно мой доверенный человек сообщил, что он днем играет в карты в подвале пункта приема макулатуры, что в доме возле метро «Ленинский проспект».

– Я знаю этот пункт приема макулатуры, – утвердительно сказал Евсеев.

– Там работает некий Кашкин, очень подозрительный тип, все никак до него руки не доходят, – сказал участковый инспектор.

– А что Вы еще можете сказать о Варламове? – спросил Женя.

– Да я в принципе все сказал, ведь он старается не попадать мне на глаза и где он бывает, я не знаю, – подвел итог разговора Носов.

– Спасибо Ваня за информацию, – проговорил Евсеев.

Попрощавшись со всеми, Носов вышел из кабинета.

– Информация конечно скудная, – проговорил майор, – но это лучше, чем ничего. Так что давай Женя прямо сейчас и посетим пункт приема макулатуры.

– Да, соберем все бумаги и папки с Вашего стола и ровными рядами пойдем сдавать для пользы государства, – пошутил Кудрин.

Евсеев улыбнулся и, Жене стало понятно, что с чувством юмора у него все в порядке.

Спустя полчаса они подъехали на милицейской машине к жилому зданию, в торце которого на первом этаже располагался пункт приема макулатуры. Они вошли и увидели, что все помещение было завалено связками газет и журналов, а в углу за небольшим столом сидел человек среднего возраста и что-то писал.

– Вы принесли макулатуру? – спросил он.

– Нет, мы из милиции, товарищ Кашкин, – сказал Евсеев, показывая ему свое удостоверение личности.

– Слушаю Вас, – проговорил он, поднимаясь со стула.

– Какая Ваша главная обязанность, товарищ Кашкин? – громко сказал майор, – принимать и вовремя сдавать нужную стране макулатуру. Так?

– А я только этим и занимаюсь, – пробормотал он.

Было заметно, что Кашкин слегка побледнел, и зубы его барабанили мелкую дрожь.

– Да не все ты договариваешь, что под нами сейчас происходит? – спросил, нахмутив брови Евсеев.

– Где, где? – спросил Кашкин.

– Тебе что, в рифму ответить? – громко пробасил майор, – кто у тебя сейчас в подвале?

– Да так, знакомые тут люди некоторые пришли, – сжавшись, как пружина, ответил он.

– Что-то ты все мнешься и заикаешься, давай, веди в подвал, – грозно сказал Евсеев.

Мошкин, в сопровождении Евсеева и Кудрина, подошел к двери в торце комнаты и открыл ее. Они увидели лестницу, ведущую в подвал.

– Я пойду первым, – сказал майор, – а Вы за мной. Он, перед тем как спуститься вниз, незаметно шепнул Жене, чтобы тот на всякий случай снял с предохранителя свой пистолет.

Они спустились вниз по ступеням в полуподвальную комнату, из дверей которой слышались грубые ругательства и звон стаканов. Когда они зашли в помещение, то увидели сидящих за столом четырех мужчин. Комната была пропитана табачным дымом, самогоном и запахом кислой капусты; в углу стоял потрепанный диван, а под самым потолком виднелось приоткрытое небольшое окно, воздух из которого, видимо, не мог побороть зловещий табачный смог.

На столе вперемежку лежали куски хлеба, колбаса, тарелка с кислой капустой и огурцами, граненые стаканы с налитым самогоном и колода карт.

– О, менты прибыли, – улыбаясь, сказал один из сидящих за столом.

– Товарищ начальник, – обратился он к Евсееву, – ничего здесь криминального нет, просто играем в дурака.

Майор подошел к столу и показал на смятые десятирублевки.

– Не знаю, в какого такого дурака вы тут играете, только азартные игры на деньги у нас запрещены законом, – спокойно ответил он.

Со стула поднялся человек с морщинистым лицом, красным носом и беспокойными глазами и проговорил: – А деньги здесь лежат на водку, скинулись мы тут, так как ее всю выпили, не предъявишь начальник ничего.

– А ты «Артист» вообще молчи, ты же не пьешь, вот и сейчас не в пример твоим товарищам, трезвый как стеклышко, – ответил Евсеев и в этот момент у «Артиста» из кармана что-то выпало и с глухим звуком ударилось о пол. Кудрин моментально нагнулся и осторожно кончиками пальцев поднял упавший предмет. Это был финский нож: стальной клинок его был прямой, чуть больше длины ладони, рукоятка была из дерева с углублениями для пальцев, чтобы можно было надежно держать нож в руках.

– А это что такое? – спросил Евсеев и уставился на «Артиста».

Было видно, как лицо его дрогнуло, ноздри широко раздулись, а выпученные глаза устремились на финку, которую аккуратно держал Кудрин.

– Не моя эта финка, я же не по этой части, – пробурчал «Артист».

– Конечно, не твоя, с неба свалилась, – ответил Женя, аккуратно упаковывая нож в кусок бумаги, лежавший на столе.

– Да, Кашкин, – сказал Евсеев, – у тебя тут не только азартные игры, но и люди с холодным оружием.

– Да я не знал, – запричитал он.

– А теперь – все наверх и в машину, – громко произнес майор, – только без фокусов, ствол всегда со мной.

В отделе Женя, по договоренности с майором, в отведенном ему кабинете, решил сам опросить «Артиста».

Когда его привели в кабинет, Женя еще раз более внимательно посмотрел на него. Перед ним стоял худощавый человек небольшого роста с бледным продолговатым лицом. Но несмотря на его усталый, заторможенный вид, взгляд был цепкий, настороженный, готовый к любой провокации. Потертый пиджак бросался в глаза, как будто он всем говорил, что я, мол, простой рабочий парень как большинство граждан. Однако, длинные пальцы рук наводили на мысль, что он либо музыкант, либо вор-карманник. И еще, Женя обратил внимание, что на среднем пальце его правой руки красовалась татуировка с изображением паука, а на безымянном – татуировка с бубновым тузом.

– Ну что, гражданин, Варламов Петр Сергеевич, допрыгался, – проговорил Кудрин, – криминалистику еще никто не отменял, так, что через пару часов будет заключение эксперта о наличии твоих пальчиков на ноже.

Пот выступил у него на лбу, губы задвигались, судорожно глотая слюну, он отвернулся, уставившись в окно.

– Ну что, так и будешь молчать? – спросил Женя.

– Ну, признаю, – неожиданно сказал «Артист», – купил нож вчера на Даниловском рынке.
– Ты же знаешь, что финский нож с таким лезвием приравнивается к холодному оружию, – тихо проговорил Кудрин.

Затем, как его учили в школе милиции, он сразу же задал еще вопрос, абсолютно не относящийся ни к ножу, ни к карточной игре.

– Где брошка-балеринка? – громко спросил он.

«Артист» встрепенулся, поднял на Кудрина глаза, пытаясь сообразить, что ответить.

– Еще раз спрашиваю, где брошка? – повторил вопрос Женя.

«Артист» промолчал, как будто не слышал, полез в карман куртки и спокойно достал ту самую брошку-балеринку, рисунок которой прочно въелся в память Кудрина.

– Все равно перед камерой меня будут обыскивать, так уж лучше я сам ее вам отдам, – не моргнув глазом, сказал Варламов.

– Откуда она у тебя? – спросил Кудрин.

– Да вчера, вечером перекинулись в очко, а у «Тюри» деньги закончились, вот он ее на кон поставил и проиграл, – ответил «Артист».

– А кто это – «Тюря»? – спросил Женя.

– Ты что, начальник, не местный что ли, – ответил он, – его в районе все знают.

– А больше этот «Тюря» ничего на кон не ставил? – уточнил Женя.

– Да нет, он пару часов поиграл, все, что было у него – проиграл, в том числе, и эту брошку и быстро ушел, – ответил Варламов.

– А кто это может подтвердить? – настойчиво проговорил Кудрин.

– Мои кореша, которых Вы задержали вместе со мной, – ответил он.

– Ну а где тусуется этот «Тюря»? – продолжал опрос Кудрин.

– Там, где же ему еще быть, в Нескучном саду парка культуры, в шашлычной, он там часто бывает, – устало сообщил «Артист».

Еще целый час Кудрин документировал показания Варламова, оформлял протокол изъятия брошки с понятами, приглашенными дежурным по отделу и, когда его увели, стал внимательно ее рассматривать. Это, несомненно, была именно та брошка, похищенная из квартиры Ермолаевой. Вспомнился разговор с ювелиром Лайманом, который говорил о ней как об очень редкой вещи, изготовленной в начале века.

– Воодушевленный первой удачей, Женя направился в кабинет Евсеева. Он рассказал ему о допросе «Артиста» и показал брошку, изъятую у него.

– Хотел бы Вам еще один вопрос задать, – сказал Женя.

– Давай, только быстро, иду на совещание к руководству – ответил он.

– А что означают татуировки на пальцах «Артиста»? – спросил Кудрин.

– В мире криминала, мой юный сыщик, – ответил Евсеев с позиции мэтра сыска, – почти каждый уважающий себя гражданин, отсидевший на зоне, не остается без натальной живописи. Тюремные наколки весьма специфичные и имеют свой глубокий смысл. По ним можно определить все о таком человеке: где и за что он отбывал наказание, какое преступление совершил, какова его, так называемая, уголовная специализация. Ну, а в данном случае, у «Артиста» одна татуировка с изображением паука, а другая – с бубновым тузом. По тюремной классификации, Женя, первая означает, что он – «щипач», то есть вор-карманник, а вторая характеризует владельца как карточного шулера.

– Понял, – ответил Женя.

– Тебе еще много придется познать в нашей непростой сыскной работе, – задумчиво проговорил Евсеев, – еще встретишься на своем пути с такими уголовными персонажами, так что, дерзай!

Женя поблагодарил майора за содействие в работе и за науку в описании психологического портрета преступников.

Через час он уже был в своем отделении милиции и докладывал Николаеву и о разговоре с ювелиром, и о задержании «Артиста», и о «Тюре», но самое главное, он вынул из портфеля брошку и положил ее на стол начальника.

– Вот это молодец, поздравляю, Женя, с первой удачей в этом деле, но главное сейчас – это картина, – сказал Николаев, я созвонюсь с начальником отделения милиции парка культуры, он тоже мой однокашник, он поможет тебе в розыске этого «Тюри». А брошь и объяснения приобщи к делу.

Кудрин поблагодарил начальника и пошел к себе в кабинет. Это был «условный» его кабинет, ибо в нем работали еще двое оперативников. Но сейчас там никого не было и он, подойдя к своему столу, с размаху плюхнулся на стул и от усталости закрыл глаза. В голове крутились какие-то мысли и события: подвал, зловонный запах табака и кислой капусты, «Артист» со своими тонкими длинными пальцами.

Несколько минут он так просидел, затем открыл свою папку, достал брошку и еще раз внимательно рассмотрел ее. Балерина как бы порхала по воздуху, словно пылинка костра, взметнувшаяся над пылающим пламенем, а вокруг нее, с трех сторон, были видны небольшие бриллиантики.

– Теперь самое главное – это похищенная картина, – подумал он, – многое будет ясно после разговора с этим «Тюрей».

В этот момент зазвонил телефон.

– Это Николаев, – проговорил начальник, – завтра с утра поезжай в отделение милиции Парка культуры, там зайдешь к заместителю начальника по розыску Нилову. Он предупрежден о твоём приезде и поможет тебе с розыском «Тюри».

Не успел Женя положить трубку телефона, как он снова зазвонил.

– Добрый вечер Евгений Сергеевич, это Загорский из Пушкинского музея, – сказали на том конце провода, – тут такая информация: вторая картина Модильяни с Ольгой Лаевской исчезла из Лувра во время войны. Там в то время вообще был бардак и не только эта картина пропала. Я так думаю, что может быть, она сейчас находится у какого-то частного коллекционера и если бы у него появилась вторая картина, то цена за две была бы астрономической. Вот собственно все, что я хотел Вам сказать.

Поблагодарив Загорского, Женя положил трубку телефона и устало откинулся на спинку стула. Он посмотрел на часы, которые показывали десять часов вечера.

– Ух, и насыщенный был сегодня день, – подумал он и стал собираться домой.

К одиннадцати часам он, наконец, пришел в свою квартиру, забрался в одиноко стоящее кресло и с наслаждением закрыл глаза. Унылое урчание пустого холодильника вдруг вызвало приступ жгучего голода. А Женя не в состоянии был ответить на вопрос, что он хотел прямо сейчас, ибо что бы он ни хотел, у него все равно этого не было. С одной стороны ему нравилось быть одному в своей однокомнатной кооперативной квартире, которую родители, оплатив первый взнос, купили ему. С другой стороны, он не успевал ничего купить из продуктов и практически каждый вечер он выслушивал лишь урчание пустого холодильника. Женя подошел к окну и взял стоявшую на подоконнике банку варенья, которую мама ему дала еще две недели тому назад. Зайдя на кухню, он нашел в кухонном шкафу сухарь, лежавший там с давних времен, и с наслаждением стал его грызть, макая в банку с клубничным вареньем.

– Ничего нет вкуснее такого клубничного пирога, – подумал он.

Немного насытившись, Женя снова плюхнулся в свое кресло и криво усмехнулся, он вспомнил, как года два назад они с девушкой Соней, в которую он был тогда влюблен, также съели литровую банку с вареньем и потом целый вечер бегали в туалет.

– Ох уж эта Соня, подлая оказалась, – вспоминал он, – они встречались полгода и решили пожениться. Родители были категорически против таких скоропалительных решений, но он тогда и слушать не стал: любовь-морковь такая случилась. А потом, прямо перед свадьбой,

будучи студенткой университета, поехала моя любовь на уборку картошки в подшефный совхоз. А, вернувшись, домой, вдруг, сказала, что свадьбы не будет, что она полюбила другого человека. Очень уж он тогда переживал случившееся, но отец тогда успокоил, хорошо, что это произошло сейчас, а не позже. Почти год после этого Женя не подходил к девушкам, но сейчас вся боль и обида уже в прошлом, а на горизонте появилась симпатичная девушка Тамара из экспертно-криминалистического подразделения РОВД. Глаза не заметно все же закрылись и он окунулся в царство Морфея.

На следующий день с утра Женя поехал в отделение милиции Парка культуры. Он вспомнил, как первый раз здесь был с отцом в десятилетнем возрасте. Они тогда катались на колесе обозрения, на других аттракционах, но наиболее сильное впечатление тогда на него произвела комната смеха, где вокруг стояли одни кривые зеркала.

Одни из них, как линзы увеличивали, другие – уменьшали. В этой комнате всегда стоял смех, когда люди рассматривали себя в искривленных зеркалах.

Уже во взрослом возрасте Женя с одноклассниками бывал в знаменитой закусочной «Поплавок», где сравнительно недорого можно было выпить кружку пива и взять бутерброд с селедкой.

Вот и сейчас, проходя мимо той закусочной, у него стала обильно выделяться слюна от нахлынувших воспоминаний. Но, подавив в себе минутную слабость, Женя прошел мимо и вскоре уже входил в отделение милиции. Нилова он нашел сразу и, зайдя в его кабинет, рассказал о цели своего визита. Он молча выслушал Кудрина и, соединившись по телефону с дежурной частью, попросил, чтобы к нему зашел капитан милиции Барышев. Через несколько минут в кабинет быстро вошел человек среднего роста, плотного телосложения с волнистой копной волос.

– Знакомьтесь, – это наш оперативник Глеб Барышев, – сказал Нилов, – а это – наш коллега, Кудрин Евгений, из Красногвардейского района.

– Глеб, – продолжал Нилов, иди вместе с коллегой к себе в кабинет и помоги Евгению отыскать «Тюрю», ты же его хорошо знаешь, похоже, что он и у них засветился.

Они вышли из кабинета начальника и пошли на улицу, чтобы немного перекурить. Женя коротко рассказал ему о том, что его привело к ним.

Через несколько минут они вошли в просторный кабинет, где работал Барышев. Женя отметил, что в нем стояло всего два рабочих стола напротив друг друга. На одном конце кабинета стоял высокий шкаф, на другом – огромный двухсекционный сейф.

– Хорошо тут у Вас, чистый воздух, нет шума, – сказал Женя.

– Могло быть и лучше, – ответил Барышев, – но и так сойдет. Я этого «Тюрю» знаю давно, он недавно освобожден из мест лишения свободы, но до сих пор нигде не работает, а только шляется со своими друзьями по шашлычным, да закусочным.

Барышев подошел к шкафу и достал папку красного цвета.

– Присаживайся, Женя, за стол моего коллеги, он сейчас в отпуске и изучай досье на этого «Тюрю», – проговорил Глеб и отдал папку Кудрину, на которой было написано «Тюрин Валерий Игоревич, кличка Тюря».

Раскрыв папку, он увидел фотографию молодого человека с узким подбородком и большими ушами – это был вор-домушник, который за свои тридцать с небольшим лет, дважды был судим за квартирные кражи и освобожден из мест заключения всего полгода назад. В деле было также сказано, что после школы, Тюрин выучился на слесаря в ПТУ, но так и не стал работать по этой специальности, предпочтя вольную воровскую жизнь. Проживает с отцом-пьяницей, а мать умерла десять лет назад.

Женя углубился в изучение досье на Тюрина и внимательно читал каждый документ.

А вот «свежий» рапорт участкового инспектора Родина, – произнес Кудрин, – оказывается позавчера, в пельменной была пьянка, перешедшая в драку; что-то у них там внезапно

загорелось в зале, возник пожар – еле погасили. А Иванову – заведующую пельменной, «Тюря» избил и пытался изнасиловать. А от подачи заявления на него Иванова отказалась. Опять же почему?

– Надо же, а я этого не видел, – ответил Глеб, – но этот факт нужно использовать. Давай сходим в эту пельменную, она здесь рядом.

Через несколько минут они зашли в деревянный одноэтажный домик, на фасаде которого висела перекошенная вывеска «Пельменная». В зале никого не было, лишь у бара стояла толстая молодая женщина с отчетливым вторым подбородком. Женя сразу обратил внимание на ее лицо: под левым глазом сквозь обильную пудру пробивался огромный синяк.

– Ну, здравствуй, гражданка Иванова, – сказал Барышев.

– Ой, Глеб Сергеевич, заходите, – напевным голосом проговорила она.

– Что же ты, Люська, опять хулиганишь, что было позавчера?

– строго спросил Барышев.

– Да ничего особенного, – вяло ответила Иванова, – справляли день рождения нашей поварахи.

– Ничего себе день рождения, – проговорил Глеб, – чуть не спалили твою богодельню, да еще и драку устроили такую, что самый отборный мат был слышан во всем парке. Я ведь тебя предупреждал, что еще один «залет» и ты лишишься своего «хлебного места». Завтра же напишу представление в трест столовых и ресторанов об антисанитарии и бардаке, который здесь постоянно происходит.

– Ой, миленький Глеб Сергеевич, не губите, больше не повторится, это все «Тюря» – запричитала Иванова.

– А кто тебе фингал поставил? – спросил он.

– Да этот «Тюря» и поставил, – мы гуляли тихо и спокойно до того момента, когда он с друзьями не появился. Мало того, что он на халяву нажрался, но еще и поджег зажигалкой скатерть и устроил драку. А меня, гад такой, подловил у туалета и хотел изнасиловать, но я стала сопротивляться он меня и ударил кулаком в глаз. Хорошо, что вовремя участковый инспектор подоспел.

– Что же ты на «Тюрю» заявление отказалась писать? – спросил Барышев.

– Да Вы что, «Тюря» – страшный человек, не хочу я с заточкой в животе в больнице валяться, – рассердилась Иванова.

– Ну и, дура, – пробасил Глеб, – завтра же напишу представление.

– Ой, не надо Глеб Сергеевич, – вновь заголосила Иванова.

– Ну, тогда слушай, Люська, – сказал он, – возьми бумагу, авторучку и пиши заявление на «Тюрю».

Женя достал из своей папки чистый лист бумаги и авторучку и положил на стол перед ней.

– А что писать? – спросила Иванова.

– Ты что прикидываешься? Пиши заявление в отделение милиции о том, что позавчера в кафе ворвался пьяный гражданин Тюрин, избил меня и пытался изнасиловать, – проговорил Глеб.

– Нет, не буду писать, – резко сказала она.

– Ну, тогда мы пошли, – ответил Барышев, – и можешь сказать прощай этому заведению.

Они почти уже вышли, когда услышали писклявый голос Ивановой: – Да уже пишу, только не уходите.

Они вернулись и увидели, как Иванова старательно выводила свои каракули.

– Молодец, Люська, – сказал Глеб, – я тебе обещаю, что этому заявлению я хода не дам, а лишь постращаю «Тюрю». Он и так будет сегодня арестован за другое дело, так что ты его в ближайшие годы не увидишь. Ну а позавчерашний инцидент я постараюсь не заметить.

– Ставь число и подпись, – подсказал Женя, после чего Барышев взял заявление и положил к себе в папку.

Когда они вышли из пельменной, Глеб многозначительно сказал, – Вот это будет веским аргументом в разговоре с Тюриным.

– Ну что, Глеб, надо сегодня брать его, – сказал Женя.

– Я думаю, что он вечером обязательно будет в шашлычной, это его место обитания, – проговорил Барышев.

Они условились, что Женя к восьми вечера подъедет к нему и они вместе, пойдут на задержание Тюрина. А пока Кудрин быстрым шагом пошел в сторону метро, чтобы побыстрее оказаться у себя на работе.

А в отделении милиции, где работал Женя, в этот момент закончилось совещание у руководства и сотрудники столпились во дворе. Дым стоял коромыслом и все обсуждали итоги совещания. Кудрин на нем не присутствовал, ибо по поручению Николаева был в это время в отделении милиции Парка культуры.

– Жень, привет, есть что-нибудь новенькое? – спросил Слава Андреев, лицо его светилось в улыбке, в последнее время она редко посещала его.

– Думаю, что тебе удачно удалили зуб? – спросил Кудрин.

– Удалили, – выдохнул Андреев, – теперь могу улыбаться и с удовольствием слушать твои новые анекдоты.

– Ну, хорошо, – сказал Женя, – по случаю удаления у Славы зуба, расскажу один новый анекдот.

– Значит так, – начал он, – из рапорта участкового инспектора: – После обыска у самогонщицы Семеновой, я и сержант Кол-басюк никак не могли найти входную дверь. Когда Кол-басюк устал и уснул в туалете, дверь я все-таки нашел. Но вот зачем я принес эту дверь в наше отделение милиции, не помню...

Все, стоящие во дворе, громко рассмеялись, а Слава Андреев даже закашлялся.

– Все, мужики, нет времени, мне к Николаеву на доклад, – сказал Женя и направился к кабинету начальника.

Доложив начальнику итоги поездки в отделение милиции Парка культуры, Кудрин пришел в свой кабинет и устало сел на стул.

– Опять суматошный день сегодня, – подумал он, – а ведь расследование только начинается и вот уже первая удача – найдена брошка. Он вспомнил слова Николаева, что она должна привести к похищенной картине. В суете этих дней Женя совсем забыл о пуговице, найденной в квартире Ермолаевой. Он снял трубку телефона и позвонил в экспертно-криминалистический отдел.

– Слушаю Вас, – ответил приятный женский голос.

– Добрый день, это Кудрин Евгений из отделения милиции, – представился Женя, – а можно позвать Сергея Родина.

– А он на выезде, – сказала она.

– Простите, а кто у аппарата? – спросил Кудрин.

– Это Тамара Гареева, эксперт, – ответила девушка.

– Эта та самая девушка, – вспомнил Женя, что понравилась ему с самой первой встречи, и он жаждал вновь ее увидеть, а тут такая удача.

– У меня к Вам просьба, когда придет Сергей, пусть позвонит мне по поводу пуговицы, найденной на месте происшествия на Коломенском проезде, – тихо проговорил Женя.

– Конечно, я передам ему Вашу просьбу, – ответила Тамара.

– Тамара, а можно мне как-нибудь зайти к Вам? – робко спросил Кудрин.

– Заходите в любое время, буду рада, – прощбетала Гареева.

– Ну, до встречи, – пробормотал Женя и, попрощавшись, повесил трубку телефона.

– Как же хорошо, что поговорил с ней, – подумал он, – надо будет где-то раздобыть билеты в театр и пригласить Тамару.

Женя зажмурил от удовольствия глаза и, откинувшись на спинку стула, задремал. Вернул его из дремоты звонок телефона.

– Это Родин Сергей, ну и работку ты мне подкинул, – раздался звонкий голос эксперта.

– А что такое? – не сразу включился Женя.

– Пришлось повозиться с пуговицей, – ответил Родин, – целый день бился с фрагментарными папиллярными узорами, словно пазлы составлял, но в результате мне удалось их идентифицировать с пальчиками нашей картотеки. Судя по всему, эта пуговица принадлежала некому дважды судимому Тюрину Валерию Игоревичу. Данные на него и акт экспертизы я перешлю через дежурного по отделу.

– Большое спасибо Сергей, – ответил Женя, – с меня причитается.

– Да ладно тебе, я сейчас очень спешу, будь здоров, – сказал Родин и повесил трубку телефона.

Пока Кудрин соображал и оценивал информацию, прошло как минимум минут тридцать, и он даже не заметил, как вошел дежурный офицер и положил ему на стол пакет из РОВД.

– Надо же, как интересно получается, – подумал он, – и брошка по всей видимости находилась у Тюрина, и пуговица, найденная в квартире Ермолаевой, также принадлежит ему – это уже кое-что.

Женя достал из пакета документы, прочитал их и положил в свою папку, затем вынул пуговицу и положил ее к себе в карман.

Как было условлено, в восемь вечера Кудрин уже был в кабинете Глеба Барышева.

– Ну что, Евгений, – сказал он, пойдём брать твоего «Тюрю».

– Глеб, а можно я позвоню своему начальнику? – попросил Женя, – а то я забыл его предупредить, чтобы вечером сюда пришла наша машина.

– Конечно, звони, – ответил он.

Женя быстро набрал Николаеву и тот заверил его, что предупредит об этом дежурного офицера.

Минут через десять они уже подъезжали к одноэтажному деревянному зданию с вывеской «Шашлычная». Оно как под копирку было похоже на «Пельменную», где они были сегодня утром.

Глеб вошел первым, а сзади него семенил Женя. Остановились в прихожей и Барышев, осмотревшись, утвердительно кивнул головой.

– Видишь за угловым столиком двух мужчин, так тот, что справа – «Тюря» – тихо сказал он. Женя присмотрелся и увидел широкоплечего немолодого мужчину с лысой головой в закатанной по локоть рубашке. Он что-то эмоционально говорил человеку, сидящему напротив.

Они быстро подошли к этому столику.

– Здорово Тюрин, а мы за тобой, – сказал Глеб.

– Что надо начальник? – развязно парировал Тюрин.

– Ты нам нужен, любезный, давай, поднимай свою задницу и пойдём в отделение милиции, – повторил Барышев.

– Никуда я не пойду, ты что не видишь – отдыхаем мы с товарищем и никого не трогаем, – проговорил «Тюря».

– Я что-то не так сказал? – громко сказал Глеб.

С соседних столиков люди как-то с опаской посмотрели в их сторону.

– Спокойно товарищи, мы из милиции, – сказал Женя.

– Тюрин весь как-то напрягся, покраснел, со злостью резко схватил правой рукой, лежащую рядом вилку.

– Не дури, Тюрин, у меня же ствол с собой, – отрезал Глеб и, подойдя к нему, схватил за воротник рубашки и вытащил его из-за стола. И тут, Женя обратил внимание на пуговицы его рубашки: они были белого цвета с черной окантовкой, точно такие, как и та, лежащая в кармане с места происшествия.

Глаза у Тюрина налились кровью, он замычал, но видя, как Женя зашел за его спину, держа руку в кармане, выбросил вилку на пол и с ненавистью спросил, – За что забираете?

– Потом все узнаешь «Тюря», – грозно пробасил Барышев, – а сейчас пойдем в отделение милиции, ну а твой товарищ пускай продолжает отдыхать, мы к нему ничего не имеем.

Они втроем вышли из «Шашлычной» и направились в сторону отделения милиции.

В кабинете Глеб слегка обыскал Тюрина и попросил того присесть на стул прямо перед его столом, а Женя расположился рядом с Барышевым.

– За что забрали? – повторил Тюрин.

– А за то, что «подвигов» ты много совершил в последнее время, – сказал Глеб.

– Чего? – растянута проговорил «Тюря», – я же говорил, что сейчас ни при делах.

– При делах, при делах, – ответил Барышев.

– Расскажи Тюрин, каким образом у тебя оказалась брошка с танцующей балериной? – Женя вынимал из папки брошку, изъятую у «Артиста».

– Не помню никакой брошки, – скосил глаза Тюрин.

– А ты внимательно посмотри, – повторил Кудрин, показывая ему брошку.

– Слушай, начальник, не гони фуфло, – заиграл желваками Тюрин и зло сплюнул на пол.

– Прекрати плевать, здесь тебе не улица, отвечай на поставленный вопрос, – повысил голос Барышев.

– Ничего не буду говорить, не «вешай» на меня цацку, – проворчал Тюрин.

– А вот это – объяснение известного тебе «Артиста», который написал, что выиграл у тебя ее в карты несколько дней назад, – сказал Женя. Он вынул его из своей папки и показал Тюрину.

Наблюдая за уловками Тюрина, Женя вдруг вспомнил, как еще в школе милиции, преподаватели говорили, что при опросе подозреваемого в преступлении, нужно стараться добиться бесконфликтных ситуаций. Важно, чтобы он признал объективно установленные факты и был готов дать признательные показания.

– А вот, Валера, еще объяснения двух человек, с которыми в тот вечер ты играл в карты в подвале пункта приема макулатуры, – не спеша проговорил Кудрин, – они пишут, что тоже видели, как ты ставил на кон эту брошку.

Было заметно, как глаза Тюрина заматались из стороны в сторону, а руки нервно цепляли колени.

Ну, признаю, – немного помолчав, сказал Тюрин, – нашел ее неделю назад на улице.

– А на какой улице, случайно не на Коломенском проезде? – уточнил Женя.

– Не помню, нашел и все тут, – он стоял на своем.

– А вот я тебе скажу, что ты ее «нашел» в квартире на Коломенском проезде, – проговорил Кудрин, – ну-ка отверни рукава рубашки.

Тюрин, не совсем понимая просьбы, раскатал оба рукава своей рубашки и Женя увидел, что на правом рукаве отсутствовала пуговица.

– А теперь смотри сюда, – Женя и вынул из своего кармана точно такую же пуговицу, какие были на рубашке «Тюри», – это ее ты потерял в квартире на Коломенском проезде.

– Да мало ли на свете таких пуговиц, да и мужиков много ходят в таких же рубашках с похожими пуговицами, – попытался возразить Тюрин.

– Да нет, «Тюря», пролетаешь ты как фанера над Парижем, – с улыбкой ответил Женя, – криминалистическую экспертизу еще никто не отменял, на ней твои пальчики засветились. А вот и акт экспертизы, где все четко сказано, что пуговица принадлежала именно тебе.

Женя достал из своей папки акт экспертизы и показал его Тюрину.

– Ничего не знаю, и говорить не буду, – вдруг, сказал он и отвернулся от Кудрина.

– Ну что, теперь мой выход, – сказал, улыбнувшись Барышев, и достал из своей папки заявление Ивановой.

– Вот здесь в заявлении некой гражданки Ивановой Люськи сказано, что ты ворвался в «Пельменную» в пьяном виде, где праздновали день рождения повара и устроил скандал, – проговорил он, – но тебе показалось этого мало, ты избил ее и пытался изнасиловать.

– Что? – зарычал Тюрин, – брехня все это, она сама меня первая ударила.

– Первая ударила, – передразнил его Барышев, – ты ведь Тюрин имеешь две ходки в зону и наверняка можешь представить себе, каково будет там с такой статьей.

– Да мы уже с ней как полгода гуляем и написала она из-за злости, – озираясь по сторонам, цедил сквозь зубы разъяренный Тюрин.

– Ну, со злости или нет, а заявление есть, – ответил Глеб, – и еще есть рапорт участкового инспектора, который видел тебя с Ивановой у туалета. Тут написано, как она рыдала от боли после твоего удара в глаз и порванное платье ее также говорит, что так оно и было.

Тюрин весь сжался, голова свесилась вниз, пот ручьями лил с его немойтой лысины.

– Хотя у тебя есть альтернатива, – громко сказал Барышев, – ты колешься про квартиру на Коломенском проезде, рассказываешь, кто тебе заказал ее. Да, именно о заказчике, так как тебе видимо было сказано взять со стены только картину, но ты же «Тюря» вор, и не мог ты устоять перед брошкой и деньгами. Ну, а если ты все подробно расскажешь, то я не буду пускать в ход это заявление, а ты всего лишь пойдешь в зону за кражу. Люська твоя, с самого утра пороги обивает и просит вернуть ей заявление.

– А где гарантия, что Вы ей заявление отдадите? – недоверчиво спросил Тюрин.

– Да никакой гарантии тебе никто давать не будет, – разозлился Барышев, а впрочем, пошел ты куда подальше.

Глеб позвал дежурного офицера и попросил отвести «Тюрю» в камеру.

– Все, разговор окончен, пойду регистрировать заявление, – сказал он.

– Стойте, стойте, я все расскажу, только не делайте этого, – упавшим голосом просил Тюрин.

– Одумался, это правильно, – сказал Глеб, – давай рассказывай.

– Первый раз пошел я на зону за кражу в Брянскую колонию для несовершеннолетних еще в 1940 году, – начал говорить Тюрин, – когда началась война, немцы очень быстро стали наступать и тут случилась неразбериха: конвойные куда-то подевались, мы вырвались на волю и побежали в лес. Я, и еще два кореша, набрали на заброшенный хутор и недели три отсиживались там, питаюсь ягодами и грибами, этого добра в лесу много было. Но потом все же решили идти, чтобы раздобыть провиант. Путали мы очень долго, пока не вышли к какому-то селу и очень обрадовались. Но наша радость оказалась преждевременной, на дороге у села нас окружили полицаи. Мои кореша побежали было в кусты, но полицай с огромной красной мордой и косыми глазами, хладнокровно расстрелял их из автомата. У меня тогда отказали руки и ноги; я стоял как вкопанный, а тот полицай наставил на меня свой автомат и готов был нажать на курок.

И в этот момент один из полицаяев вскрикнул: – Да это же «Тюря», мы с ним вместе чалились на зоне! Мордатый полицай медленно опустил свой автомат и посмотрел на меня своими косыми глазами, а потом проговорил, – Это другое дело, живи пока, но должен мне будешь. Никогда не забуду этого злого и пронзительного взгляда. Потом меня повели в село и заперли в какой-то хате. Тот парень, который узнал меня, принес молока и хлеба и я, наконец, по-настоящему поел за эти недели. Ты слушай Мирона, он главный здесь и с ним не пропадешь, – сказал он мне про того мордатого полицая.

– На следующий день, – продолжал Тюрин, – Мирон стал допрашивать меня, а в конце предложил пойти на службу в полицию, чтобы вместе, как он говорил, «уничтожить красных», после чего дал мне подписать какую-то бумагу. Я даже не видел, что подписываю, так как его грозный вид и лежавший на столе автомат не оставил мне иного пути. После этого Мирон ушел и меня на какое-то время оставили в покое, а ночью – я удрал от них из этого села и больше с ними не встречался. Я опять бродил в лесу несколько дней, пока не увидел в глухой чаще небольшую хижину. В ней находился пожилой бородатый мужик, который сказал, что до войны он работал в этих местах лесничим. А потом, когда пришли немцы и все разбежались, он, не долго думая, захватив кое-какой провиант, подался в эту хижину. Он тогда был удивлен моим приходом, потому что кругом было болото, и тропу знал только он: повезло мне тогда, не сгинул в болоте. Больше года я прожил в этой хижине, однажды завалили лося, и мяса нам хватило надолго. Ну, а потом я все же ушел, мужик провел меня своей тропой через болото, я пошел к грохочущей вдали канонаде выстрелов. Дорога меня вывела в партизанский отряд батьки Прохора. Я тогда командиру отряда честно про все рассказал: и про судимость, и про полицаев, и про хижину в лесу. Почти год я был в отряде, несколько раз участвовал в боях, даже был легко ранен в ногу. В отряде мне выписали временные документы, что было необходимо в то время. Война уже пошла на запад и однажды, во время сильной авиационной бомбардировки, какое-то необъяснимое чувство «воли» вновь мной овладело, я рванул в лес и убежал. Ходил, бродил долго, пока не забрел в полуразрушенное село. Там вообще никого не было, я и просидел в одном из домов еще где-то полгода, благо в подвале нашел оставленные кем-то овощи и крупу.

– Я от бабушки ушел, я от дедушки сбежал, – проговорил Женя.

– Продолжай, – пробасил Барышев.

– Потом осел я в подмосковном Загорске, устроился рабочим на плодоовощную базу, – продолжал Тюрин, – а со временем перебрался в Москву. Там как раз людей набирали на стройку, вот и стал работать на подхвате. Где-то через пару лет, по рекомендации знакомого кореша, меня взяли на склад в Краснопресненский универмаг. Там и работал, пока не попался на краже вещей и очередная зона. Полгода назад откинулся из зоны и приехал домой и вот, на той неделе, вдруг, является ко мне тот самый Мирон, который чуть не убил меня тогда в лесу. Он напомнил мне о моем долге перед ним и, о подписанном мною согласии сотрудничать с немецкими властями. После чего приказал мне залезть в квартиру на Коломенском проезде, взять оттуда картину и отдать ему, при этом он дал адрес этой квартиры.

– А как ты узнал, какую именно картину надо было взять, ведь там их много висело? – вопросительно взглянул на него Женя.

– А Мирон мне дал фотографию, на которой была видна именно она, – ответил Тюрин.

Он вытащил из заднего кармана брюк помятую фотографию и протянул ее Кудрину. Женя посмотрел на нее и замер, это была такая же фотография, которую вынула из своего альбома Ермолаева, лежащая сейчас у него в папке.

– А дальше что? – потребовал Барышев.

– А дальше, – ответил Тюрин, – я одел резиновые перчатки, зашел в ту квартиру, благо замок был хилый и легко открылся. Потом снял со стены картину, а затем в шкатулке нашел еще брошку и деньги, положил их к себе в карман и вышел из квартиры. А на следующий день у метро Октябрьская мы встретились с Мироном и я отдал ему эту картину.

– А брошку в карты проиграл? – спросил Женя.

– Было дело, поставил ее на кон и проиграл, – ответил он.

– Теперь скажи, как выйти на Мирона? – напирал Барышев.

– Да я ничего про него не знаю – замылся он, – Мирон как снег на голову на меня свалился.

– Вспоминай, вспоминай «Тюря», это очень важно, – настаивал Глеб.

– Ну, он как-то еще при первой встрече обмолвился, что где-то на складе «Военторга» промышляет, – пробормотал Тюрин.

– А какие его приметы? – спросил Кудрин.

– Я уже Вам говорил, что он плотного телосложения, нос картошкой и косыми глазами, на вид – лет шестьдесят, волосы седые, – нехотя ответил Тюрин.

– Ну, хорошо, заканчиваем, – Барышев протянул Тюрину листок бумаги и авторучку, – напиши все то, что нам сказал, за исключением твоих военных походов. Эта лирика пока не нужна, напиши только о картине и встречах с этим Мироном.

Барышев вышел из кабинета, а Женя еще полчаса просидел на своем стуле, пока Тюрин не написал свое объяснение. Бегло прочитав, Кудрин положил его в свою папку.

Уже совсем стемнело, когда Женя и Тюрин в сопровождении Барышева вышли на улицу, где их уже ждал милицейский газик.

Поблагодарив Глеба за помощь, Женя повез задержанного в свое отделение милиции.

На следующий день он первым делом отправился к Николаеву на доклад о проделанной работе. Павел Иванович внимательно слушал его, не упуская ни одной детали из его доклада.

– Мне уже дежурный доложил о задержании Тюрина, – с улыбкой сказал он, – молодец Женя, расколол все же его. Человек с таким уголовным прошлым трудно идет на контакт, но Вы вместе с Барышевым виртуозно прижали его к стенке. Теперь об этом Мироне. Здесь дело более серьезное и требует подключения работников КГБ. Я созвонюсь с ними и сообщу обо всем, что ты рассказал.

С этим Женя вышел из кабинета начальника и пошел к себе. Когда сел за свой стол, мысли стали вихрем проноситься в его голове.

– Так чей же был фотоаппарат, которым снимали в квартире у Ермолаевой? К примеру, если это был фотоаппарат Паулы, значит, именно она делала фотографии, а если он принадлежал третьей присутствующей итальянке, значит, та делала фотографии. Каким же образом аналогичная фотография попала в руки к Мирону. Что между ними общего?

Эти вопросы, которые Женя сам себе задавал, сверлили его мозг и он, пока, не мог дать на них какой-то вразумительный ответ. Женя схватил трубку телефона и набрал номер Ермолаевой.

– Слушаю Вас, – раздался в трубке женский голос.

– Добрый день, Нина Николаевна, – это Кудрин из отделения милиции. Напомните, пожалуйста, чьим именно фотоаппаратом тогда снимали в Вашей квартире?

– Это был фотоаппарат Паулы, – ответила Ермолаева, – она всегда берет его с собой, чтобы запечатлеть красоты того или иного города. А в чем проблема?

– Этого я Вам пока сказать не могу, – ответил Женя и, попрощавшись, положил трубку телефона.

– Значит, фотографии сделала именно Паула, – рассуждал Кудрин, – если подумать логически, то одну фотографию она подарила Ермолаевой, а другие могла отдать любому человеку. Но как связать эту Паулу и Мирона, каким образом она могла передать ему точно такую же фотографию, как у Ермолаевой?

Размышления Кудрина прервал зашедший в кабинет Слава Андреев, который, улыбаясь, произнес, – Ну, Женька, молодец, размотал свое дело, а я уже думал, что это очередной «висяк». Все в отделении только об этом и говорят.

– Спасибо Слава, но картина еще не найдена, – развел руками Женя.

– Ну, там, дело техники, я думаю, скоро отыщешь, – приободрил товарища Андреев.

Второй день Слава светился от того, что зуб, наконец, у него вырвали и он со всеми это обсуждал. Вот и сейчас, он не преминул подчеркнуть, что как же хорошо, когда не болят зубы.

– Ты Слава особо не радуйся, – с улыбкой проговорил Кудрин, – зубы даются бесплатно человеку два раза в жизни, на третий – надо платить.

– Да будет тебе каркать, – замахал руками Андреев, – ты лучше мне дай свой бинокль на воскресенье. Мы тут с ребятами из райотдела решили на охоту съездить. А я тебе за это, дам на сегодня два билета в театр, так как моя подруга заболела и отказалась идти.

– Ого! А в какой театр? – Женя не ожидал.

– В театре на Таганке сегодня будет спектакль «Час пик», – торжественно парировал Слава. Таганка – это был не просто театр – это было легендарное место в Москве, куда попасть было просто не возможно, даже за деньги.

– Согласен, – выпалил Кудрин, он подошел к сейфу, вынул бинокль и отдал его Андрееву. А Слава достал из кармана сложенные два билета и вручил их сгорающему от нетерпения Жене.

Это была удача и, как только Слава вышел из кабинета, Кудрин тут же набрал телефон экспертно-криминалистического отдела.

– Слушаю, – пропел мелодичный голос Гареевой.

– Это я, Женя Кудрин, – ответил он, – могу я поинтересоваться, а что Вы делаете сегодня вечером?

– Пока у меня нет планов на вечер, – Тамара явно смутилась.

– В таком случае я Вас приглашаю сегодня в театр, у меня есть два билета в театр на Таганке, – Кудрин воображал себя волшебником.

Давно Женя не проводил такого замечательного вечера. С Тамарой оказалось легко и просто в общении, они сразу же стали понимать друг друга, будто были давними знакомыми. Не было ни неловкого молчания, ни утомительного разъяснения каких-то событий. Тамара обладала удивительным даром мгновенно снимать скованность, а Женя в свою очередь попытался показать и свое остроумие, и свое глубокомыслие. Кудрин впал в блаженное состояние влюбленности и был счастлив.

После вечера, проведенного с Тамарой, Женя буквально порхал, даже дело о краже картины отошло на задний план. Он пришел на работу с радостным чувством и даже по своей инициативе рассказал коллегам по работе несколько новых анекдотов.

Звонок Николаева привел его в рабочее состояние, начальник просил его зайти. Когда он зашел к начальнику, то увидел сидящим рядом немолодого человека с густыми седыми волосами.

– Знакомься, Женя, – майор, Костюк Михаил Иванович, из нашего районного КГБ, – представил сидящего Николаев, – расскажи ему подробно о своем расследовании и акцентируй внимание на том участке.

В течение получаса Кудрин старательно рассказывал о расследовании, стараясь ничего не упустить.

– Ну, что же, – сказал Костюк, – мы займемся этим Мироном, и перевернем весь «Военторг». Не всех еще фашистских прихвостней настигла кара за содеянное и, как показывает практика, некоторые, сменив фамилию, залегли «на дно». Но рано или поздно мы все равно находим их и предаем суду.

– У нас с Вами теперь общая задача, – продолжал майор, – у Вас – вернуть картину, у нас – выявить предателя. Поэтому будем координировать свои действия и, я прошу теперь, без меня в отношении Мирона, ничего не предпринимать.

– Я понял, – четко и коротко ответил Кудрин.

– Вечером следующего дня его снова вызвал Николаев и сообщил, что завтра в пять часов утра ему нужно будет прибыть в районный отдел КГБ в девятый кабинет к майору Костюку. Утром он планирует задержать того полицейского и, поскольку ты ведешь это расследование, ты тоже будешь в этом участвовать. Утром я пришлю за тобой нашу дежурную машину.

– Только будь там поосторожней, – продолжал он, – и возьми свое табельное оружие.

Выйдя от начальника, Женя пошел к себе в кабинет. Он сел за свой стол и уставился в окно, за которым уже начали сгущаться сумерки сентябрьского вечера и задумался. Думал

он не о суетных вещах, не о личных проблемах, и даже не о тех папках с делами, которые скопились у него на столе, а думы скорее походили на размышления.

Женя мучительно задавал себе вопрос, почему человек идет на преступление против другого человека. Ведь он сознательно выбирает злой умысел, прекрасно понимая, что ничего хорошего тому человеку это не принесет. Но почему? Видимо, чтобы удовлетворить свои корыстные желания. Он вдруг подумал, что с понятиями добра и зла люди знакомы с раннего детства; родители практически каждый день объясняли, что такое хорошо и что такое плохо. Как прекрасно об этом писал Маяковский! А далее по жизни, человек иногда оказывается в ситуации, когда нужно осознанно выбирать между белым и черным, между добром и злом. И некоторые люди, для удовлетворения своих желаний, совершают злые поступки.

Вот сейчас, он неожиданно осознал для себя весь позитив того, что люди вышли из пещер, создали государство, настроили городов и укрылись в их скорлупе. Цивилизация – это хорошо! Но, к сожалению, мы еще не стали цивилизованными людьми. Вот и, Тюря, вроде грамотный человек, окончил школу, отучился на слесаря и говорить умеет правильно, но замашки корыстного человека проявились у него по полной программе. Ну не может он пройти мимо того, что плохо лежит, словно бес, сидящий у него внутри, заставляет его красть для своей похоти. Высшая степень эгоизма – вот тебе и развитие человечества, – думал Женя, – вот тебе и прогресс!

Ход его мыслей прервал дежурный офицер, который зашел в кабинет и передал ему целый ворох документов от начальника с визой «К исполнению» – новые поручения от Николаева.

На следующий день Женя встал очень рано и не завтракая, вышел на улицу, где его ждала дежурная машина. Как и было условлено, он ровно в пять часов утра явился в кабинет к майору Костюку.

– Значит так, товарищ Кудрин, – сказал он, – сформирована оперативная группа по задержанию Мирона Куриленко и тебя мы тоже включили в нее. Будем брать его сейчас на квартире. Этот подлец скрывался под фамилией Лопатин, позже все расскажу. А сейчас запомни – никакой самостоятельности, выполняешь только мои указания.

– Понял, – четко по-военному ответил Кудрин.

Они вышли на улицу, где к ним присоединились еще три человека в штатском и сели в стоящий у подъезда неприметный УАЗ.

Когда они приехали и вышли из машины, Женя увидел перед собой стандартную пятиэтажку на Мытной улице. Они вошли в подъезд и остановились у квартиры номер два на первом этаже.

Майор нажал на кнопку звонка и через несколько минут хриплый голос спросил, – Кто там?

– Откройте побыстрее, у ваших соседей возгорание проводки, нужна помощь, – майор старался говорить спокойно, чтобы не спугнуть.

Дверь на половину открылась и майор, резко распахнув ее, вошел в прихожую. Все увидели – перед ними стоял пожилой человек в тапочках, уютной серой пижаме и смотрел на них испуганными глазами. Они зашли в единственную комнату квартиры и майор на всякий случай взял его за руку.

– Позвольте, кто вы? – опешил Мирон и страшная догадка отразилась на его лице.

– Геннадий Лопатин, он же Мирон Куриленко, Вы арестованы за пособничество фашистам и убийства советских граждан, – громко проговорил майор, предъявляя свое удостоверение личности.

Вы меня с кем-то перепутали, – медленно и отчетливо проговорил Куриленко.

– Да нет, Мирон, тебя по фотографии опознал командир партизанского отряда и еще один человек, которого ты чуть не расстрелял в сорок первом году, но убил его товарищей, – жестко подытожил майор.

Куриленко, вдруг, проворно выхватил из кармана брюк пижамы небольшой пистолет и направил его прямо на майора. Женя, стоявший рядом, среагировал мгновенно – со всего размаха он прыгнул на него и вцепился в руку, тем самым прижал пистолет к его ноге. От неожиданности пистолет выпал из руки Куриленко, а подбежавшие оперативники быстро скрутили ему руки и одели наручники.

Женя, еще разгоряченный от схватки, встал у стены, поправляя свою рубашку, выскочившую из-под брюк.

– Спасибо Евгений, – тихо произнес майор и подобрал с пола лежащий пистолет.

– Смотрите ка, а ведь немецкий браунинг, – также тихо проговорил он.

Куриленко тяжело вздохнул, опустил голову и попятился к стулу.

– Я знал, что когда-нибудь это случится, – с дрожью в голосе сказал он, – да, я служил тогда у немцев, а куда было деваться?

– Все люди в это время шли на фронт, защищать Родину, – встрял Кудрин

– У нас с тобой Мирон еще будет много времени, чтобы за жизнь поговорить, а сейчас расскажи лучше о картине, которую для тебя украл Тюрин, – не выпуская из рук пистолета, потребовал майор.

Мирон заерзал на стуле, не ожидал он этого вопроса.

– Вроде месяц назад это было, – нехотя начал, – ко мне домой позвонили, а когда открыл дверь, увидел пожилого человека в светлом костюме и широкой белой шляпе.

– Не узнаешь, Мирон Куриленко? – просверлил он меня взглядом.

– Я пригляделся и к своему ужасу узнал майора Штольца из школы абвера, свалился он на мою голову, «как черт из табакерки», – продолжал Куриленко, – тогда в сорок втором году меня из полиции по какой-то причине направили на подготовку в школу абвера.

– Ну, об этом мы еще поговорим, ты давай про картину, – сказал майор.

– Так вот этот Штолец приказал мне взять эту картину из квартиры, и адресок подкинул, – продолжал Куриленко, – и еще дал мне фото, на которой были две женщины, а на заднем фоне была отчетливо видна, висевшая на стене картина какой-то балерины. Мне срочно нужен был исполнитель. Я вспомнил «Тюрю». Всего год назад он мне случайно попался в шашлычной в Нескучном саду. Вот тогда-то я и сказал ему, чтобы он мне эту картину достал. Я еще адресок дал и фотку, чтобы он знал какую картину нужно взять, ведь там и другие могли бы висеть.

– А где она сейчас? – спросил Кудрин.

– У меня, возьмите в письменном столе, в верхнем ящике, тот немец обещал, что будет в Союзе и придет ко мне за ней первого сентября, то есть через неделю.

Женя подошел к столу, выдвинул ящик и вынул небольшую картину с изображенной балериной. Это была именно та картина из квартиры Ермолаевой, за которой он эти последние дни гонялся и, наконец, нашел.

Ну, хорошо, товарищ Кудрин, – сказал, обратившись к Жене, майор, – акт изъятия картины мы составим сами, а сейчас берите ее и поезжайте к себе на работу, на этом Ваше участие завершено.

Конечно, Жене было интересно остаться, ведь он впервые участвовал в такой операции, но, увидев грозный взгляд майора, быстро вышел из квартиры.

На работе он подробно рассказал Николаеву о задержании Куриленко и положил ему на стол картину.

– Молодец Женя, – не сдержался от похвалы Павел Иванович, – буду ходатайствовать о твоём поощрении, – а картину и брошку мы вернем Ермолаевой после завершения всех следственных действий.

Кудрин вышел от начальника в хорошем настроении с чувством выполненного долга, а через неделю, приказом начальника РОВД за хорошие показатели в работе, он был награжден командирскими часами.

А еще через две недели его пригласил к себе Николаев и когда Кудрин зашел в кабинет, то увидел сидящим рядом с ним майора Костюка. Тот еще раз поблагодарил Женю за проявленное мужество при задержании опасного преступника и спасении его жизни. Он ничуть не стеснялся высокопарных выражений и говорил так, что Жене стало даже неловко.

– Так вот, Евгений, – майор перевел разговор на рабочий лад, – искусствовед Загорский как в воду глядел. Действительно, вторая картина, написанная Модильяни, на которой была изображена балерина Лаевская, пропала из Лувра во время войны. Мы просто убеждены, что это дело рук этого Штольца. Косвенно мы узнали, что он еще до войны начал коллекционировать картины известных художников. Так вот, уже после войны он задумал отыскать вторую картину Модильяни, подаренную им Ольге Лаевской. Штолец непосредственно в боевых действиях участия не принимал, поэтому ему удалось избежать наказания, как и некоторым другим сотрудникам абвера. А осел он после войны сначала в Аргентине, а затем перебрался в ФРГ.

Однажды, будучи в Италии, в гостях у бывшего сослуживца, он увидел фотографию, стоящую на комодике в комнате дочери. На ней была запечатлена дочь сослуживца с какой-то женщиной. И вдруг взгляд его упал на задний фон фотографии; он обомлел, увидев висевшую на стене картину, фотографию которой он видел в альбоме той выставки. У него не осталось сомнений – это именно та самая картина Модильяни, которую он безуспешно искал все годы. И вот тут Штолец проявил все качества профессиональной ищейки: он поднял все связи, выяснил через знакомого дипломата точный адрес Ермолаевой, выяснил график гастролей Большого театра. Ну, а потом – дело техники: приехал туристом в Москву, нашел Куриленко и под угрозой разоблачения приказал ему выкрасть эту картину.

– Мы задержали Штольца на его встрече с Мироном, – продолжал майор, – он нам кое-что рассказал, но каким образом отыскал Куриленко, отвечать отказался.

– А Вы арестовали этого немца? – спросил Женя.

– Да нет, опросили и отпустили, – ответил Костюк, – предъявить ему обвинение в соучастии в краже картины – гиблое дело, а признание Куриленко, грамотный адвокат квалифицирует как оговор иностранного гражданина. Зато предатель получит по заслугам, его арестовали, идет следствие, а суд, несомненно, определит ему меру наказания.

– И еще, – продолжал майор, – наше руководство выражает Вам товарищ Кудрин благодарность за помощь органам КГБ в поимке опасного преступника, а от себя лично – за спасение моей жизни. Разрешите преподнести от имени нашего руководства скромный подарок.

Он передал Жене небольшую серую коробочку, открыв которую он увидел командирские часы.

– О, как! – воскликнул Женя

– Что-то не так? – спросил майор.

– Да нет, спасибо большое за подарок, – засмутился он.

– Молодец Женя, – проговорил и Николаев, – раскрыл преступление «по горячим следам», не каждый день такое происходит.

Кудрин еще раз поблагодарил за подарок и вышел из кабинета.

Вот так Кудрин оказался счастливым обладателем сразу двух командирских часов, причем одного и того же черного цвета, словно инкубаторских.

Когда Женя зашел в свой кабинет, он увидел неожиданную картину: Слава Андреев резал хлеб, Блинов чистил колбасу, а Лева Ерихин как самый старший из оперативников, открывал бутылки с портвейном.

– Женька, проходи, тебя только и ждем, – радостно проговорил Блинов.

У оперативников уголовного розыска издавна была традиция отмечать раскрытие знаковых преступлений всем коллективом.

– Поздравляю Женя, – сказал Ерихин, – молодец, раскрыл по «горячим следам».

– Почти «по горячим следам», ведь прошло несколько дней – поправил Женя; он сегодня уже второй раз слышал эту похвалу из уст уважаемых оперативников.

– Ну, пускай будет «почти», за твои успехи! – проговорил он, выпив целый стакан вина и, торжественно поднял пустой стакан над головой.

Они выпили, закусили, потом еще выпили и еще закусили; все коллеги старались сказать Жене что-то приятное и, ему от этого было очень хорошо на душе. Дальше разговор плавно переключился на тему, кто из известных людей отправляется на пенсию, кого повысили в должности, кто получил новое звание. Это была «обязательная» программа всех посиделок коллег по работе.

– Мужики, – вдруг громко сказал Ерихин, – хватит про эту работу, она уже у меня в печенке сидит, пусть лучше Женя новый анекдот расскажет.

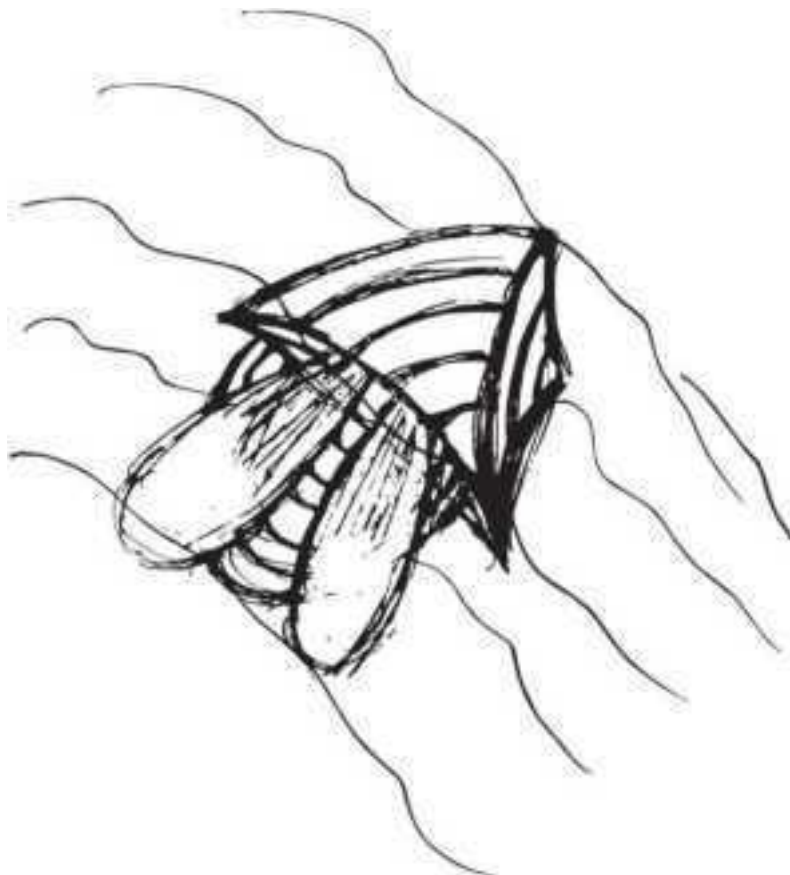
– Давай, давай, – подхватили сослуживцы.

– Хорошо, – ответил он, – но только один анекдот, мне нужно идти домой, я отпросился у Николаева. Ко мне родители мои должны приехать и привезти новый холодильник, взамен старого.

– Милиция арестовала группу мошенников, – начал Женя, – продававших поддельные дипломы, но на следующий день они были выпущены на свободу. – «Недостаточность улик» —, пояснил журналистам доктор философских наук лейтенант Козлов.

Все дружно рассмеялись, а Женя, попрощавшись, вышел из кабинета и быстрым шагом направился домой.

Далекие следы случайной улики

Спускаясь по лестнице в курилку, лейтенант милиции Кудрин чуть не столкнулся с молодой девушкой в светлом легком платье, бойко бежавшей вверх по ступеням.

– Ой, извини, Женечка, – запыхавшись, произнесла она. Это была секретарша начальника отделения милиции, где вот уже почти два года правил службу инспектор уголовного розыска Евгений Кудрин.

– Ах, эти барышни, – со вздохом, как бы про себя, пролепетал он и вышел на улицу в курилку за зданием, где уже толпились жадные до курева сослуживцы.

Шум машин с улицы практически не заглушал гвалт сотрудников, вышедших глотнуть воздуха.

– Привет, Женя, – заулыбались коллеги, – есть что-нибудь новенькое?

– Да вам только дай потравить, наверное, уже не в первый раз курите, хотя еще далеко до полудня, – миролюбиво пробурчал Кудрин.

– Хватит умничать, Женя, – сказал самый старший из стоявших в курилке, мужчина с проседью во вьющихся черных волосах, – выдай новенькое.

У Кудрина была интересная особенность, помимо запоминания анекдотов, он удивительным образом подмечал смешные моменты из обыденной жизни и фиксировал их в своем небольшом блокноте, помещавшемся в кармане пиджака. Об этом знали многие сотрудники отделения милиции и, когда собирались в курилке или еще где-то, просили его что-нибудь прочитать интересного из увиденного в серых буднях жизни. Несмотря на свои двадцать пять лет, Женя внешне выглядел совсем юношей – и лицом, и походкой, и фигурой. На его счету

пока не было громких дел, и все это, по его мнению, определяло не очень серьезное отношение к нему среди товарищей по работе. Впрочем, сам Женя и не пытался изменить эту ситуацию.

– Пусть будет, как будет, – думал он, – со временем, может быть, и раскроются мои способности как аналитика и сыщика.

Да и в быту было не очень все устроено; он жил один в однокомнатной кооперативной квартире, купленной родителями.

Вот и сейчас все просили свежего анекдота и что-нибудь из блокнота.

– Ну хорошо, один анекдот, пока не погаснет моя сигарета, – сказал Кудрин.

Все одобрительно закивали головами и придвинулись ближе к Кудрину.

– Грузчик винного отдела гастронома Сидорчук, внезапно увидевший после праздников динозавра с сигаретой в зубах, бросил пить, уволился с работы и постригся в монахи, – громко произнес Женя.

Все захохотали, а Лев Алексеевич Ерихин, тот самый, с проседью на голове, со смехом произнес:

– Я вполне представляю себе эту картину. Давай еще, Женя.

– А теперь из блокнота, – сказал Кудрин и, достав из пиджака небольшой блокнотик, стал читать: – Самостоятельная сборка мебели – это процесс, когда муж узнает, что он никакой не «любимый» и не «дорогой», а «хрен безрукий».

Сослуживцы закашлялись от смеха, а Женя продолжал:

– Итак, сигарета докурена, поэтому я прочитаю последнее на сегодня. На подъезде дома висело объявление: «Трезвые грузчики с высшим образованием быстро загрузят и разгрузят любые тяжести».

Под общий хохот к ним незаметно подошел дежурный по отделению милиции и громко сказал:

– Слава Андреев, к начальству, а Женя Кудрин – на выезд. Там на твоей территории, на Варшавке, у дома 41, киоск «Мороженое» ограбили.

– Ну вот, – сказал, улыбаясь, Ерихин, – сейчас наступит тишина.

Лев Алексеевич Ерихин по возрасту был старшим из оперативного состава отделения милиции и самым опытным сыщиком. А Женя Кудрин, несколько лет назад закончивший среднюю специальную школу милиции, попал по распределению к ним в отделение, где Ерихин был назначен его наставником. За глаза Женю называли салагой, но, тем не менее, каждый сотрудник хотел подстраховать его, помочь молодому милиционеру разобраться в лабиринтах профессии. Вот и сейчас, когда Женя надевал куртку, Лев Алексеевич тихо произнес:

– Я понимаю, что это пацаны полакомились, но напоминаю тебе в который раз: обращай внимание на каждую мелочь, на каждый нюанс; в будущем такой навык пригодится. И еще, я тебе уже говорил, что не бывает больших дел и маленьких, бывают преступления, когда нарушается закон, и мы для этого и работаем, чтобы пресекать эти нарушения.

Женя поблагодарил Ерихина и вышел из кабинета. Ему не очень хотелось в конце дня заниматься таким мелким вопросом, но замечание Льва Алексеевича подбодрило его – мелких дел не бывает.

Приехав на место происшествия, Кудрин увидел небольшой киоск, который стоял рядом с другим таким же киоском «Союзпечать». Его уже ждала молодая, шустрая продавщица, которая сразу в двух словах услужливо рассказала, что примерно минут сорок назад двое выпивших молодых парней, проходя мимо закрытого уже киоска «Мороженое», сорвали с петель замок, взяли по несколько брикетов мороженого и ушли. Приметы она назвала, ребята как ребята, ничего примечательного.

Женя осмотрел киоск изнутри; малюсенькое помещение, везде одни коробки с мороженым, стоящие в небольших холодильных камерах. Никакого беспорядка не было, однако когда он подсветил фонариком пол киоска, то увидел за одной из коробок валявшуюся на полу рас-

крытую жестяную банку из-под леденцов. Что-то заставило Кудрина нагнуться и осмотреть ее: или назидания Ерихина, или всплывавшие в голове практические семинары школы милиции по тактике осмотра места происшествия.

Нагнувшись, он увидел, что в банке лежали сложенные пополам бумаги. Аккуратно взяв одну из них, Женя понял, что перед ним иностранная бумажная купюра, а точнее – пять английских фунтов. Он впервые в жизни держал в руках иностранные деньги. Вторая бумажка оказалась такой же пятифунтовой купюрой. Женя аккуратно положил эти купюры обратно в банку и вышел из киоска. В это время подошел участковый инспектор Виктор Иванович Савушкин, немолодой уже мужчина за пятьдесят лет, подводя двух женщин-понятых. Он доложил, что послал дружинника за киоскером, жившим в нескольких остановках на трамвае.

Женя коротко рассказал Савушкину о своей находке и быстро составил протокол осмотра места происшествия. Минут через двадцать к киоску в сопровождении дружинника нехотя подошел пожилой мужчина, выглядевший замкнутым и недовольным:

– Дольников я, Павел Петрович, работаю в этом киоске продавцом.

Бегло осмотрев помещение и убедившись, что практически всё на месте, кроме нескольких брикетов мороженого, он угрюмо возразил:

– Зря милицию вызывали, незачем и заявление писать!

Кудрин насторожился. Все-таки мороженщик – лицо материально ответственное, кому охота из своей зарплаты компенсировать недостачу? И пятифунтовые купюры, которые, кроме как в хранилище Сберегательного банка, нигде не найдешь, о них можно разве что в книгах прочитать, – эти мысли не давали покоя.

– А что это за коробка тут валялась с иностранными деньгами? – спросил как бы невзначай Кудрин.

От него не ускользнуло, что Дольников странно воспринял вопрос и даже не проявил любопытства к факту обнаружения английских денег, а как-то сразу съезжился, напрягся.

– В первый раз об этом слышу, наверное, ее кто-то подбросил.

Искусственность сказанной фразы навела на мысль, что Дольников врет. Когда протокол был дописан и подписан понятыми, Кудрин, по наитию, дополнительно оформил протокол изъятия банки и найденных купюр. Он со знанием дела аккуратно, как учили, завернул улику в пакет, валявшийся на полу, положил к себе в сумку, предварительно взяв объяснение у продавщицы «Союзпечати», попросил Дольникова подойти завтра к десяти часам утра в отделение, тот утвердительно кивнул головой. Попрошавшись, они разошлись, и Женя поехал на трамвае обратно к себе в отделение милиции.

Было поздно, никого уже не было, кроме дежурного инспектора уголовного розыска, да и тот был на выезде. Неожиданно дежурный по отделению вспомнил, что еще не уехал Павел Иванович Николаев, заместитель начальника по розыску. Странные находки не давали Жене покоя, и он обрадованно побежал на второй этаж докладывать Николаеву о своих находках.

Влетая в кабинет и увидев, что тот собрался уходить, Кудрин с порога начал, торопясь, рассказывать о выезде и неожиданных уликах, обнаруженных на месте происшествия. Павел Иванович, чувствуя что-то важное, вернулся за стол, усадил Женю и попросил его начать заново, не торопясь. Внимательно выслушал Женю, а когда тот дошел до демонстрации банки с английскими фунтами, принялся внимательно их разглядывать. Как и салага-подчиненный, Павел Иванович также впервые увидел английскую валюту. Дело начинало принимать серьезный оборот.

– Ты, Женя, молодец, что все запротоколировал и вещественные документы изъясил по правилам, – похвалил Николаев, – однако здесь думать надо и сначала поставить в известность дежурного по районному управлению КГБ.

Оказалось, что в этот день там дежурил его старый знакомый майор Свешников. Немало удивившись сообщению, майор велел ждать и немедленно выехал в отделение милиции.

Через полчаса майор Свешников уже входил в кабинет; они тепло поздоровались с Николаевым как старые добрые друзья, и Павел Иванович попросил Кудрина рассказать все, как было на месте происшествия.

Женя не спеша рассказал, боясь упустить каждую мелочь, а когда Свешников увидел иностранные купюры, он долго и внимательно смотрел на них и спросил:

– Так этот киоскер точно завтра утром придет?

– Да, – ответил Кудрин, – я его попросил к 10 утра подойти, хотя еще раз повторяю – заявления писать он не стал.

– Ну, в принципе – это наша подследственность, – сказал Свешников. – Но пока пусть документы и вещественные доказательства останутся у вас, Павел Иванович, а я доложу своему начальству и, скорее всего, приеду утром для встречи с киоскером.

На том и решили. Через десять минут, поговорив на дорогу о текущих делах, Свешников уехал.

Наутро, около десяти часов, в кабинете у Николаева собрались Свешников, Кудрин и участковый инспектор Савушкин. Ждали киоскера. Прошло минут двадцать, но его не было. К половине одиннадцатого Павел Иванович вздохнул, понимая, что вчерашние недобрые предчувствия сбывались, и подвел итоги:

– Ждать нечего, надо ехать за Дольниковым домой.

Чувствуя продолжение странной цепочки событий, Кудрин не стал перекладывать черновую работу на участкового инспектора и выехал вместе с Савушкиным за киоскером.

Они долго звонили в дверь квартиры Дольникова, но им никто не открывал. Наконец, через некоторое время открыла дверь его соседка, видимо, услышав шум на лестничной площадке и разглядев в глазок своей двери настойчивых посетителей. Она подтвердила, что Павла Петровича нет дома. Вчера вечером он пришел очень поздно, оставил ей своего кота и попросил присмотреть за ним несколько дней, сказав, что едет к сестре в Калугу.

Женя спросил у нее, как часто Дольников ездит к сестре, и, может быть, ей известен ее адрес.

Соседка на минуту задумалась:

– Да за все годы он всего раза два к ней ездил и оставлял своего кота на моем попечении, – ответила соседка. А что касается адреса калужской сестры, тут она ничем помочь не может: не знает.

Выудить из женщины еще какую-нибудь полезную информацию милиционерам не удалось: соседи редко общались, да и интерес к такому человеку, как Дольников, мало у кого может возникнуть: нелюдимый он, сам по себе, ни семьи, ни детей, хотя и спокойный всегда.

Поблагодарив женщину за помощь, они вышли из подъезда и поехали на трамвае обратно в отделение милиции.

На работе их с нетерпением ждали. Когда Женя закончил доклад, воцарилась минутная пауза, после чего Свешников сказал, что забирает все материалы и идет на доклад к своему руководству.

– Пока еще ничего не случилось, – тихо произнес Павел Иванович. – Ну, нашли валюту, ну, уехал человек, возможно, испугался. Нужно денек подождать, а пока попытаться установить в Калуге адрес сестры Дольникова.

На том и сошлись, после чего Свешников забрал протоколы и жестяную коробку и уехал к себе на работу.

Спустя два дня Дольников так и не появился, Кудрин занимался своими текущими делами и уже стал забывать о том происшествии, как неожиданно его вызвал к себе какой-то удрученный Николаев и сказал, что через час они едут в районный отдел КГБ.

У Кудрина было отличное настроение, вчера он передал в следствие законченный материал по краже автомобильных покрывшек с автобазы, за что удостоился похвалы самого Льва

Алексеевича Ерихина. Редко Лев Алексеевич кого-то хвалил, и Женя был по-настоящему счастлив, что сам лично раскрутил это дело.

Через полчаса Николаев и Кудрин входили в небольшой кабинет майора Свешникова.

– Проходите, товарищи, – официальным тоном сказал Свешников, – вот какая штука здесь получается, наши эксперты сказали, что эти фунты фальшивые. Дело приобретает необычный оборот, сегодня утром его взяли на контроль в центральном аппарате. Сейчас подъедет сюда полковник Строгов из нашего Главка, я прошу рассказать ему еще раз о происшествии. А что там с Дольниковым? – спросил он.

– Да не появлялся он пока, – ответил Николаев, – мы сейчас устанавливаем местонахождение его сестры в Калуге.

Через десять минут твердой походкой в кабинет вошел седоволосый среднего возраста человек:

– Полковник Строгов Иван Данилович, – представился он, – прошу вас все по порядку рассказать.

Николаев, в свою очередь, представил полковнику Кудрина, и тот с расстановкой, как учил Ерихин, стал рассказывать о происшествии с кражей из киоска, случайной и странной находке и не менее странном исчезновении Дольникова. Строгов внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов и тихо произнес:

– То, что я вам сейчас скажу, товарищи, должно остаться в этом кабинете.

Все утвердительно кивнули головами.

Строгов продолжил:

– В 1941 году в концлагере Бухенвальд немцы отобрали узников, имеющих опыт типографской работы: граверов, художников, каллиграфистов. Их поместили вначале в отдельный барак лагеря Заксенхаузен, а в 1943 году перевели под Гродно, где была оборудована специальная типографская мастерская. Во главе этого всего стоял штурмбанфюрер СС Бернгард Крюгер, чьим именем и была названа секретная операция. К 1945 году в мастерской было изготовлено фальшивок на сумму более ста миллионов фунтов стерлингов, весьма отличного качества.

Продукция «Бернгарда» использовалась в самых различных целях. Два бумажных завода, один в Судетах, другой в Гродно, были целиком заняты изготовлением бумаги для фальшивых денег. Английские экономисты не без основания полагали, что немцам удалось в какой-то мере насытить английский денежный рынок фальшивками. В 1945 году Английский национальный банк даже был вынужден изъять из обращения часть старых пятифунтовых банкнот.

– Теперь главное, – тихо сказал Строгов, – после стремительного наступления наших войск в 1944 году следы мастерской под Гродно потерялись. По нашим данным, немцы не успевали вывезти готовую продукцию со своих складов и все фальшивые деньги спрятали где-то в Гродненской области. В том же тайнике, вероятно, хранится и архив немецкой агентуры, исчезнувший бесследно накануне наступления нашей армии. В те дни было не до архива и тем более не до фальшивой английской валюты: немцы бежали, сломя голову. Так вот, бежать-то бежали, но об оставленном, видимо, не забыли. Мы практически не знаем людей, участвовавших в операции, и не владем информацией, которая нам могла бы позволить установить место нахождения тайника, но есть отрывочные данные, что некий обер-лейтенант Крамер с русскими сопровождавшими, следовавшими на двух подводах, останавливались в это время в деревне Стрешнево Гродненского района. Есть показания местной жительницы, что между обозниками, а это были местные полицаи, ночью возникла перестрелка, в ходе которой Крамера убили.

Почему она возникла и что было дальше, никто не знает, обоз и полицаи исчезли бесследно, оставив несколько трупов, в том числе этого немца. Тут-то мы и подходим к самому

интересному: на месте перестрелки жители обнаружили несколько банкнот, деньги были незнакомые и ценности не представляли. находку передали нашим бойцам. Хорошо, что те тоже сориентировались и, в свою очередь, отдали эти банкноты в СМЕРШ.

В те дни разбираться с этим было некому и некогда, шло наступление, и найденные банкноты по странному стечению обстоятельств попали к нам в архив.

Так вот теперь самое основное: банкноты вашего мороженщика те же, что и гродненские из архива, экспертиза показала их идентичность. Мы редко имели дело с фунтами, я не знаю пока, как объяснить это совпадение, но факт остается фактом, теперь это дело приобретает иной аспект.

Воцарилась тишина, никто не мог ничего сказать, да и мыслей никаких не было.

– Далее, – продолжал Строгов, – нашим руководством принято решение образовать межведомственную группу по расследованию этого дела. Вопрос сегодня согласован с руководством МВД СССР. От вашего ведомства выделен опытный оперативник из московского Главка, в помощь ему я бы хотел включить в состав этой группы и Евгения Сергеевича Кудрина, вашего, Павел Иванович, оперативника, который начал вести это дело.

Кудрин вздрогнул от этих слов, его первый раз на таком уровне назвали Евгением Сергеевичем.

– Но он только начал работать, – возразил Николаев, – без году неделя как из школы милиции.

– Вот и хорошо, – сказал Строгов, – взгляд не замылен, молодой, задористый.

– Возражений нет, – тихо ответил Николаев, – ему будет полезно сразу таким делом заняться.

– Вот и хорошо, – подтвердил Строгов, – откомандируйте Кудрина завтра же в мое распоряжение.

Возвращались в отделение милиции в полном молчании. Павел Иванович что-то бубнил про себя, мол, а кто будет заниматься на подведомственной Кудрину территории, и всякое такое. Но в итоге, когда зашли в кабинет к Николаеву, тот обнял Женю и сказал, что надеется на него и что не боги горшки обжигают. Он пожелал по-отечески успехов и попросил зайти ко Льву Алексеевичу для напутствий.

Целый вечер Женя просидел в кабинете с Ерихиным. Лев Алексеевич по-доброму разжевывал его возможные действия, как поступать в тех или иных ситуациях. В завершение он налил им обоим по стакану водки, они выпили, закусили старым сухарем, который на цепочке был привязан к сейфу и казался вечным, и разошлись по домам.

Утром Кудрин, как было согласовано, прибыл на площадь Дзержинского. В кабинете у полковника Строгова уже находился моложавый человек, но старше Кудрина.

– Знакомьтесь, майор Волк Дмитрий Дмитриевич, – представил его Строгов. – Ты, Кудрин, поступаешь в его распоряжение.

– Кудрин Евгений, – промямлил Женя.

– Так, мужики, за дело, – сказал Строгов, – первое, мне сообщили, что нашли в Калуге адрес сестры киоскера. Фамилия у нее уже, конечно, другая, но немедленно оба выезжайте туда и опросите ее: что она знает о брате. Второе – немедленно дать информацию по всем отделам милиции водного, авиационного и железнодорожного транспорта о приметах киоскера на предмет его задержания. Третье – следует запросить все медицинские учреждения, морги, медицинские стационары о возможном нахождении там Дольникова. На второе и третье вам три часа, а потом – в Калугу. Завтра днем в двенадцать ноль-ноль собираетесь у меня в кабинете. Все.

– Ничего себе напор, – подумал Женя, – но это интересно и даже очень.

Пока ехали в электричке, Женя и Дим Димыч, как он окрестил старшего по званию и их тандему, успели о многом поговорить. Оказалось, что майор тоже окончил московскую сред-

ную специальную школу милиции, и учились они, хотя и в разное время, но у одних и тех же учителей. Только у Волка уже была за плечами Высшая школа милиции и он работал старшим опером в МУРе. Женя не хотел отставать и немедленно поделился с Дим Димычем своим планом о поступлении в будущем году на заочное отделение в высшую школу МВД. В общем, контакт был найден, и у Кудрина поднялось настроение.

Калуга, хотя и была южнее Москвы, встретила их дождем и ветром. Видимо, мелкое дело, каких не бывает, после попадания в центральный аппарат оборачивалось подключением начальства на всех уровнях, потому что на вокзале их ждал кортеж в лице заместителя начальника УКГБ области подполковника Ветрова и заместителя начальника местного УВД полковника Иванова. Быстро добравшись до здания УКГБ, Волк с Кудриным проинформировали о цели своего визита, местные начальники не задавали много вопросов. Аудиенция прошла быстро, и на любезно предоставленной им машине ребята отправились по установленному адресу к Вере Николаевне Рощиной, сестре Дольникова.

Дверь им открыла довольно пожилая женщина с проседью в волосах и утомленным взглядом, особенно, в общем, ничем не примечательная, каких много можно встретить в очередях и на автобусных остановках. Трудно было бы предположить, глядя со стороны, что у нее может быть семейная тайна. Когда Женя с Димычем рассказали о цели своего визита, она была искренне удивлена. С братом они уже не общались много лет из-за его нелюдимого характера. Последний раз виделись лет пять назад, когда он приезжал на похороны их двоюродной сестры. Вера Николаевна недолюбливала Павла за нелюдимость, закрытость. С родственниками, которых и так мало осталось на этой земле, общаться не хотел, да и к ней самой не испытывал братских чувств. Когда ей сказали, что Павел Николаевич пропал, она даже бровью не повела, только и вымолвила: «Жизнь все расставит на свои места, хоть он мне и брат, но его служба у немцев у меня всегда вызывала отвращение».

– Да, – сказал Волк, не показав своего удивления, как будто каждый день приходилось слушать такие откровения, тянувшие на отдельное расследование, – но ведь он искупил кровью, воевал в партизанах, награды имеет.

– Пусть так. Но не могу я через себя переступить. – Чувствовалось, этот разговор ей трудно давался, мало кому приятно сообщать о своих близких подобные вещи, да и жить с этим. Все-таки город не так велик, чтоб затеряться, один узнает – все будут знать, потом костей не соберешь, пальцем будут ходить показывать или за глаза обсуждать. И, видимо, редкие встречи с братом бередили ее старую рану и укоряли об утраченных родственных чувствах.

– Ну, это вы сурово, – пытался возразить Женя.

– Пусть сурово, но что есть, то есть, – сказала она, тяжело уронив на колени руки.

– Послушайте, а может у него были друзья какие-нибудь, с кем он мог общаться? – спросил Женя.

– Да не было у него друзей, – ответила Вера Николаевна, – а хотя погодите, некоторое время тому назад его разыскивал однополчанин один, он приехал в Калугу, пришел ко мне и спрашивал московский адрес Павла. Он сказал, что нашел меня, потому что когда-то брат дал ему мой адрес. Тогда это не показалось мне странным, ну я и дала координаты брата в Москве, все же однополчанин.

– А какой он из себя? – спросил Кудрин. – Может, какие приметы особенные?

– Да нет, такой же угрюмый бирюк, хотя постоит, у него на лбу большой шрам, и еще я заметила, что на левой руке, кажется, ну, знаете, на запястье, татуировка «Верт». Я почему запомнила, меня же Верой зовут.

– Ассоциативно, – подумал Кудрин.

– Он еще сказал, – поспешно добавила она, – что работает где-то в бане в Москве, в Дандунах или Калтунах... и зовут его Степаном.

– Может, в Сандунах? – перебил Волк.

– Может, и в Сандунах, точно не помню, только этот Степан просил, чтобы я передала брату, когда увидимся, где его, однополчанина этого, искать. И ситца на прощанье мне подарил хорошего, этот отрез я до сих пор храню.

– Спасибо Вам большое, а может, еще чего вспомните? – пытался дожать невозможное Женя.

– Да нет, больше ничего не помню, – ответила Вера Николаевна, давая понять, что устала и хочет закончить неприятный разговор.

Ничего не оставалось, как попрощаться и уйти.

Поблагодарив коллег из Калуги, гости сели в электричку и поехали обратно в Москву в приподнятом настроении. Женя почти всю дорогу травил анекдоты, отчего Волк страстно хохотал, и Жене было от этого весело и беззаботно.

На следующий день они долго, в деталях докладывали Строгову о результатах своей командировки в Калугу, обращая внимание на мелочи, на первый взгляд ничем не заслуживающие внимания.

Строгов выслушал их, затем кому-то позвонил, и через несколько минут в кабинет вошел среднего возраста человек ничем не привлекательной внешности.

– Подполковник Разумов, – представился он.

– Послушай, Борис Федорович, тебе ничего не говорит слово или кличка «Верт»? – обратился он к вошедшему. – Ты же был в партизанском отряде в Белоруссии во время войны?

– Постойте-постойте, Иван Данилович, так это же зондеркоманда националистов, свирепствовавших во время оккупации Белоруссии в районе Гродно. Сколько на их счету безвинной крови – не сосчитать, отморозки, одним словом, и только.

– Вот, – ответил Строгов, – пасьянс начинает складываться.

Он коротко рассказал Разумову о человеке с наколкой «Верт» и приказал прошерстить все московские бани и особенно Санду-ны на предмет розыска этого Степана, хотя имя его может быть вымышленным. Срок поставил два дня и не более.

Женя про себя отметил, что уж очень силен полковник, все у него горит, и от души позавидовал такой хватке.

– Берите себе, Иван Данилович, в помощники сотрудников нашей группы, коллег из милиции, – он кивком головы показал на Волка и Кудрина, – выполняйте, сбор через два дня, как сказал, в десять у меня.

На следующий день распределились по баням. Женя целый день просидел в Даниловских банях, упарился до предела, оставив на полках не один килограмм, но человека с такой татуировкой не нашел. На следующий день он парился уже на Шаболовке, и так же безрезультатно. Зато приобрел новые знания на предмет, чем березовый веник отличается от хвойного и жигулевское пиво от хамовнического.

Лишь к вечеру в кабинете Разумова раздался звонок, из которого стало ясно, что нашелся в Сандуновских банях некий гражданин по имени Степан Возняк, у которого на руке была татуировка «Верт».

– Так, – сказал кому-то Разумов, – сразу брать не будем, санкционирую за ним наружное наблюдение. По часам, по минутам дайте мне весь расклад, куда он ходит, с кем встречается.

– А вам, ребята, – обратился он к Волку и Кудрину, – на завтра задание: целый день париться в Сандунах. Вас выведут на Возняка ваши сотрудники: просто наблюдайте, фиксируйте любые его контакты, парьтесь, даже можете и пивка позволить, чему я очень завидую. И никакой самодеятельности, слышите? Ни при каких обстоятельствах, – завершил Разумов свой монолог. А сегодня, в двадцать два ноль-ноль – совещание у Строгова.

Когда вышли от подполковника, оба были ошарашены напором и натиском соседней конторы. Волк вообще не находил себе места:

– С этой парилкой никакой личной жизни! Только договорился завтра встретиться с девушкой, так нет, опять баня, будь она неладна. Я уже отмылся на несколько недель вперед.

– Знаешь, Димыч, как в том анекдоте, – сказал, улыбаясь, Женя, – звонок: «Алло, это баня?» А с другого конца: «Фиганя – это министерство культуры...»

– Не смешно, – буркнул Димыч, – тебе бы поржать, а мне что девушке сказать?

– Ну, соври, что у тебя оперативное совещание.

– Да иди ты, в бане, что ли? – усмехнулся Волк.

В двадцать два часа они были уже в сборе в кабинете полковника Строгова.

– Ну, вот что, товарищи, – строгим голосом сказал Строгов, – нами установлено, что Степан Возняк, а настоящее его имя Стефан Войтович, – пособник фашистов, действительно, служил в зондеркоманде националистов, и есть реальное предположение, что он может быть причастен к подготовке схрона обоза в деревне Стрешнево. Вот что, Волк и Кудрин, вы уже «спелись» и вместо завтрашней бани в Сандунах вылетайте-ка утром в Гродно. Там вас встретят наши коллеги, отвезут в пансионат ветеранов войны. В этом пансионате живет Федор Ильич Масевич, ветеран партизанского движения в Белоруссии, он во время войны как раз воевал в тех местах, да и Стрешнево хорошо знает. Подполковник Разумов полагает, что именно он может дать нам недостающую информацию. Поговорите со стариком, заслуги его вспомните, не перебивайте, всё слушайте внимательно. Ему будет приятно, что востребован, может, беседа его наведет на подробные разговоры, а нам это может помочь. Все, вы свободны.

Все складывалось, как в сказке про щучье веление: с утра уже Волк с Кудриным летели самолетом в Гродно, там уже ждала машина, которая отвезла в город, а оттуда сразу в пансионат.

Федор Ильич Масевич оказался очень душевным человеком, сразу предложил по сто грамм для знакомства. Кудрин попробовал было отказаться, но Федор Ильич так запротестовал, что деваться было некуда. Сначала сто грамм, потом двести, дойдя до трехсот, Федор Ильич разговорился по полной программе. Он охотно вспоминал все в невероятных подробностях, но когда Волк мягко подвел тему к фашистскому обозу, старик мгновенно посуровел, стало понятно, что эта тема не доставляет ему удовольствия.

– Да, забудешь тот обоз, как же! В бою с полицией я потерял лучшего друга, – проговорил старик, – вот ведь как, самое страшное прошли, до освобождения Белоруссии дожили, а тут... Эта зондеркоманда дралась насмерть, как сто чертей, видно, ей было за что. Партизаны потеряли добрую часть отряда, но все равно упустили ее. В живых, правда, осталось не более трех-четырех карателей, но им удалось уйти.

– Федор Ильич, а куда они могли уйти, тем более такие обескровленные, как далеко от Стрешнева? – спросил Волк.

– Да ушли-то, может, недалеко, там уже наша регулярная армия наступала, деваться было особенно некуда, – ответил Масевич.

– Значит, – предположил Женя, – обозы прятали либо где-то в самом Стрешневе, либо рядом.

– А по-другому и никак, – согласился Масевич. – А почему вдруг вы сейчас этим заинтересовались, было разве что-то ценное в обозах? Выходит, не простой это был бой?

– Да всякое добро, – сказал неуверенно Женя.

– Отнятое у жителей близлежащих сел, – моментально подоспел на выручку Димыч.

Старик успокоился и не стал докапываться до истинных причин разговора:

– Ну, понимаю, нелюди они, – задумчиво подытожил он.

– Федор Ильич, а вам ничего не говорит имя Стефана Войтовича? – вернулся к разговору Волк.

Масевич немного помолчал:

– Это страшный человек, сколько хороших ребят пострелял, но среди убитых его не было, видать, ушел с обозом. У них у всех была татуировка «Верт», видимо, думали про себя, что вечные и будет им при фашистах почет, но все вон как повернулось, теперь они меченые. Да, у Войтовича еще шрам такой должен был на лбу остаться, метка – ни с кем не перепутаешь. Ее оставил ему, гаду, один добрый хлопец. У полицаев этих был еще начальник Гришка Корбут, бывший киномеханик из Гродно, вот кто был пострашнее всех в зондеркоманде, на расстрелы лично сам вызывался, словно для него это нормальное дело было. Ничем не гнушался, выслуживался перед немцами.

– А вы, Федор Ильич, случайно не встречали никого из этой зондеркоманды после войны? – наугад спросил Кудрин.

– Знаете, несколько недель назад моя свояченица из Стрешнева вроде как видела в селе Пашку Дольникова, прислужника Корбута, но, может, обозналась, ведь времени много прошло, – ответил Масевич.

– А что вы скажете про Дольникова? – без лишних разговоров, беря быка за рога, спросил Кудрин, словно только что они говорили не о Войтовиче с Корбутом, а о Дольникове.

– Да он был никакой, как наши говорили, в расстрелах не участвовал, все прятался, вроде бы совестливый был, но там кто его знает, – ответил Масевич.

– Нам бы вашу свояченицу увидеть, – попросил Кудрин.

– Так это легко можно сделать, она так по-прежнему в Стрешневе и живет, в последнем доме у леса, Анна Егоровна Сбит-нева. Скажите ей, что вы от меня, привет передайте, она и расскажет, что знает, – сказал Масевич.

К этому времени разговора стало заметно, что напиток и усталость взяли свое, и Федор Ильич стал клевать носом – засыпать. Пора было прощаться. Поблагодарив его и пожелав всего хорошего, Волк с Кудриным, не теряя времени, направились в Стрешнево. Им казалось, что информация сама плывет в руки, вот-вот, и случайно образовавшаяся свояченица наведет их на что-то важное, ключевое во всем деле. Эта волна успеха заставила их торопиться. В Стрешнево они приехали уже к вечеру, местные товарищи пригласили их на ужин, но, зная белорусское гостеприимство и чем оно может закончиться, оперативники поехали за удачей к свояченице Масевича.

Встретила их довольно пожилая женщина, услышав про привет от Федора Ильича, она обрадовалась, захлопотала и радушно пригласила ребят в дом, в чистую большую комнату, указала на лавку под образами. Как смогли, Женя с Дим Димычем объяснили цель своего приезда и сразу приступили к расспросам о Дольникове.

Анна Егоровна оказалась женщиной словоохотливой, долго рассказывала про жизнь селян в оккупации, пока, наконец, не дошла до встречи с Дольниковым.

– Был Павел тут, и через много лет его узнала. Смотрю, идет к лесопилке, это несколько недель назад как раз. Наша лесопилка старая, работала и до войны, и во время нее, и после недолго. Дольников там работал в довоенное время. Мне показалось, что он узнал меня и даже улыбнулся. Ну, и пошел своей дорогой, а больше я его и не видела.

– Анна Егоровна, а далеко ли эта лесопилка? – спросил Волк.

– Да нет, в двух километрах от деревни, если ехать прямо по дороге, в нее и упретесь, – объяснила Анна Егоровна.

– Скажите, а еще кто-нибудь теперь из жителей села есть, кто жил при немцах в оккупации? – спросил Кудрин.

– Вы знаете, – тихо сказала Анна Егоровна, – через два дома от меня живет бабка Шура, ее все называют колдуньей, и лет ей под девяносто. Она ни с кем не дружит, ни к кому не ходит, затворница, одним словом. Всю жизнь прожила старой девой – одна, ни мужа, ни детей. В прошлом году у нее коза убежала, и это для нее было трагедией. Она тогда ко мне и обратилась за помощью; нашла тогда я ее козу в лесу, уж как она меня благодарила. Скажите ей, что это я

вас послала, может, она и расскажет что-нибудь, что вас интересует. В 1944 году, когда наши наступали, она выхаживала какого-то раненого мужика. Поговаривали люди, что тот мужик не наш, не советский, а вроде бы как полицай. Но точно не могу сказать, да и она ничего не говорила никому. Зайдите к ней, может, и разговорите ее, но поначалу наколите дрова – она будет счастлива.

День хоть и заканчивался, и ребята валились с ног от усталости, информация поступала так легко, цель поездки, казалось, оправдывается одним днем. Ради этого Дим Димыч и Женя готовы были колоть дрова хоть в ночи.

От Анны Егоровны ребята сразу пошли к бабке Шура.

Покосившийся в сторону и почерневший от времени дом бабы Шуры производил грустное впечатление: под фундаментом виднелись короткие столбы, на которых он стоял, забор был наполовину разрушен, а одиноко стоявшие прутья с торчавшей на них проволокой напоминали часовых, охранявших эту избушку на курьих ножках.

Дверь им открыла старая женщина, одетая в стеганую телогрейку, и на голове ее красовался выцветший от времени пуховый платок. Удивительно контрастные были соседки. Яркая, словоохотливая, можно даже сказать, болтливая свояченица Масевича, тетка, как смачно говорят о таких в деревне, которой до всего есть дело, за словом в карман не полезет. Бабка Шура, наоборот, была замкнута, вещь в себе. Возможно, когда-то она была красавицей, какая-то тайна сохранялась в ней даже в глубокой старости: высокая, прямая, несмотря на возраст, поджарая, напоминала старуху-графиню из «Бронзовой птицы». Хозяйкой замка она, конечно, не была, но весь ее облик выдавал хуторянку, сильную, жилистую, привыкшую к жизни на отшибе, ближе к лесу, во всем полагающуюся на себя и не ждущую добра от соседей и случайных незваных гостей.

Поначалу разговор не клеился, но словечко о том, что они от спасительницы козы, от Анны Егоровны, сделало свое дело. Строгая бабка размякла и пригласила гостей в хату на чашку чая, мягко шаркая валенками.

– А зачем вам надо, милки, ворошить старое, сколько времени прошло? – спросила бабка Шура, не совсем поняв, чего от нее хотят неожиданные гости.

Женя, наученный опытом разговора с Федором Ильичом, на этот раз уже придерживался простой версии. Он объяснил женщине, что они разыскивают полицаев, служивших у фашистов, которые везли награбленное у простых людей на двух подводах и которые здесь где-то останавливались.

– Ну, это было как раз в то время, – начала бабка Шура, – когда наши наступали. Как-то под вечер в деревне появились полицаи на подводах, и впереди шел высокий немец. Полицаи-то были наши, деревенские: Стешка, здоровый детина, Пашка чернявый, Гришка, их начальник, которого они слушались, да еще двое какие-то. Аккурат у моего дома они развели костер и стали готовить еду. Тогда еще Гришка зашел ко мне и попросил самогону, они ведь тогда уже вежливые были, наши им хвосты накрутили. Что делать? Отдала полбутыли самогона, и он ушел, а где-то через полчаса раздались выстрелы. Выхожу во двор и вижу, что они стали стрелять друг в друга. Ну а потом ко мне в хату Пашка чернявый и Гришка внесли всего израненного Стефана. Я его перевязала, а они сказали, что придут за ним, но так и не пришли. А через пару недель Стешка стал на ноги и ушел, больше я его не видела.

– Скажите, бабушка, – спросил Женя, – а больше вы этих мужиков не видели, не появлялись они в Стрешневе?

– Да нет, не видела, – задумалась о чем-то баба Шура, – а вот говорят, что Пашка чернявый вроде бы появлялся здесь недавно.

– Кто говорил? – ухватился Волк.

– Да не помню я, и устала уже от расспросов. Говорили – и все, – отрезала баба Шура, давая понять, что разговор окончен.

Что могли, они уже узнали, ничего не оставалось делать, как закончить разговор. Поблагодарив бабу Шуру, Волк с Кудриным, наконец, поехали в сельсовет, отдых они заслужили.

Прежде чем сесть за обильный стол, накрытый местными товарищами, Волк попросил местных коллег на завтра прислать саперов с миноискателями и несколько человек в помощь для розыска схрона, а Женя вспомнил, что дров-то бабе Шуре они так и не нарубили, ему стало от этого грустно и как-то не по себе.

Переночевав в сельсовете, на следующий день Волк с Кудриным собрались на лесопилку. На улице их уже ждали подъехавшие саперы и четыре милиционера из местного РОВД. Проведя в сельсовете быстрое совещание и поставив каждому задачу, Волк распорядился выезжать.

Лесопилка больше не работала, стояла заброшенная, представляя собой три небольших сарая, остовами стоявших у дороги. Сарай пустовали, всюду валялся хлам, и чувствовались следы забвения. Почти половину дня группа внимательно осматривала и прощупывала каждый сантиметр, все уже окончательно измучились от бессмысленных и нерезультативных поисков в стиле «пойди туда, сам не знаю куда, найди то, сам не знаю что», пока Кудрин, еще раз зайдя в один из сараев, не провалился в подпол. Все испугались, бросились ему помогать выбираться, опасались, как бы Женя чего себе не повредил или не сломал, но он был удачливый и отделался легкими царапинами.

Когда в рамках спасательной операции саперы и оперативники спустились в этот подвал и подсветили его фонарями, перед ними предстали раскрытые ящики с немецкой символикой, к сожалению, пустые. Уже собирались вылезать обратно, как Кудрина что-то подтолкнуло еще раз напоследок все осмотреть. Он пополз на коленках между ящиками, и – вот удача – из-под одного ящика выглядывала мятая английская пятифунтовка. Это была такая же купюра, как та, что он обнаружил в киоске. Других находок не случилось, но цепочка улик, состоявшая из английских фунтов, уже связала места и людей, которых Женя с Дим Димычем успели объехать и опросить.

– Видимо, здесь находились фальшивки из обоза, но их забрали, – предположил Кудрин, выбираясь из подвала.

– Мужики, здесь еще что-то есть, – услышали они крик одного из милиционеров, донесшийся из другого сарая.

Подойдя, все увидели в полу сарая дыру, проделанную милиционером. Подсветив фонариком, они обнаружили в подполе такое же небольшое помещение. Когда один из милиционеров спустился туда, он обнаружил два небольших ящика с немецкими надписями на крышках. Ящики подняли наверх с большой осторожностью. Саперы обследовали их и убедились, что можно открывать. В первом же открытом ящике обнаружили какие-то личные дела с фотографиями.

– Мужики, – присвистнул Волк, – мне сдается, что это немецкий архив, а поскольку рожи на фотографиях русские, возможно, это архив полицаев или другой фашистской агентуры из местных. Срочно надо доставить его в Москву.

Поздно вечером кортеж из четырех машин прибыл на военный аэродром Гродно. Волк по специальной связи позвонил Строгову, коротко рассказал обо всем, и за ними был оперативно выслан самолет военно-транспортной авиации.

В ожидании самолета Дим Димыч с Женей коротали время в комнате военного коменданта, кругом была выставлена охрана с гуляющими часовыми. Настроение у Волка было минорное, и чтобы как-то разрядить обстановку и не заснуть, Женя принялся рассказывать анекдоты из своего стратегического запаса.

– Значит так, – начал Женя, – городская окраина. Пустырь, заваленный мусором. Вокруг убогой хижины, сделанной из картонных коробок, тощий петух гоняется за зачуханной курицей. Из хижины выходит старый негр и бросает на землю немного хлебных крошек. Петух

мгновенно оставляет курицу и набрасывается на крошки. Негр горько произносит: «Не дай Бог дожить до такого...»

Дмитрий начал потихонечку оттаивать, беседа повернула в веселое русло, один анекдот цеплял другой, а часа в три ночи за ними прилетел транспортник, загрузили ящики и полетели в Москву. На аэродроме Кудрина с Волком и ценным грузом уже ждала машина, и через час ребята уже входили в кабинет Строгова на площади Дзержинского.

Несмотря на раннее утро, там уже собрались какие-то сотрудники, и полковник, поздоровавшись с приехавшими, стал вынимать из ящиков бумаги. Он внимательно изучал каждый документ, наконец, повернувшись к Волку сказал:

– Ну, вы молодцы, товарищи, целый архив немецкой агентуры привезли, несмотря на то, сколько времени прошло, это и сейчас очень актуально. Здесь даже фотографии есть, педанты все же немцы, в этом им не откажешь.

Строгов приказал своим сотрудникам забрать и внимательно изучить содержимое обоих ящиков, осмотреть каждый документ, а сам уселся за свой стол и пригласил Волка с Кудриным присаживаться.

– Это вы молодцы, – еще раз похвалил их Строгов, – хотя и не нашли, что искали, но архив дорогого стоит.

– Да не совсем так, – сказал Кудрин, – одну купюру мы все-таки в этом схроне обнаружили, – и он передал Строгову смятую пятифунтовку.

– Они там явно были спрятаны немцами, но кто-то их забрал, – сказал Волк и подробно рассказал Строгову о командировке и результатах поездки.

Строгов внимательно выслушал доклад, остался им весьма доволен, но продолжил:

– Пока вас, ребята, не было, дело приняло неожиданный поворот. Вчера утром в Коломенском, у реки, был обнаружен труп Дольникова с ножевым ранением в шею, а вечером в своей квартире был убит также ножом в шею Войтович. Соседи вызвали милицию, так как дверь в квартиру была открыта. Эксперты с Петровки пытаются найти отпечатки пальцев в квартире, обещали к обеду что-то сказать. Видимо, упустили мы чего-то или кого-то, ведь наружное наблюдение за Войтовичем велось уже несколько дней, не понимаю, – развел руками полковник.

Тем временем в кабинет полковника зашел один из сотрудников, занимавшихся архивом, и доложил, что в привезенных документах, кроме фотографий, обнаружили и отпечатки пальцев, собранные на полицаев.

– Отлично! – воскликнул Строгов. – Принесите мне документы на Войтовича и Дольникова.

– И Корбута Григория, – добавил Волк, – это третий полицей, их командир, который знал месторасположение схрона.

– Выполняйте, – подытожил полковник.

Через десять минут перед ними лежали три папки с аккуратными надписями на немецком языке.

– Ну, вот они, голубчики, – сказал Строгов, рассматривая каждую папку, – как в аптеке, и фотография, и отпечатки пальцев, и характеристика на каждого, все собрано с немецкой педантичностью.

– Вот что, товарищи, сейчас отдыхайте, все-таки перелет, сутки работы, надо отдохнуть и восстановить силы, концентрация ваша нам еще понадобится. А завтра к десяти утра прошу ко мне в кабинет, – завершил встречу полковник и крепко пожал каждому руку.

Наутро, выспавшиеся и чисто выбритые, Волк с Кудриным уже находились в кабинете Строгова. Тот давно уже был на месте и бодро отдавал какие-то указания.

Без преамбул полковник сообщил, что, по заключению экспертов, «пальчики», оставленные в квартире Войтовича, идентичны с отпечатками пальцев Корбута, сохранившимися в

немецком архиве. Значит, это он причастен к убийству Войтовича, но теперь главное – понять, где его искать, есть ли у него сообщники и что они замышляют.

– Из материалов наружного наблюдения за Войтовичем за эти несколько дней выяснилась интересная деталь, что в баню к нему два раза приходил некий Давыдов Василий Семенович. Ну кому понадобится приходиться два дня подряд в парилку? Этот факт нас насторожил, поэтому сейчас получите адрес Давыдова, прошу сделать на него скрупулезную установку, а к вечеру жду с итогами у себя. И еще, у Войтовича также парился наш дипломат Виталий Малеев, сотрудник посольства СССР в Великобритании. Несколько дней назад он прилетел на несколько дней в Москву. За ним мы тоже проследим, но этим уже займутся сотрудники нашего управления.

Почти весь день Волк и Кудрин прорабатывали Давыдова. Он жил один в небольшой комнатке старого барака в селе Коломенское, ничем не выделялся, работал киномехаником в кинотеатре «Ударник» и вообще жил довольно скромно.

– Жень, есть идея, – воскликнул Волк, – конечно, инициатива наказуема, но давай сгоняем на Петровку и попросим нашего эксперта Сашку Овчинникова поехать с нами и попробовать снять отпечатки пальцев с двери давыдовской квартиры. Он же каждый день приходит домой, чем черт не шутит.

Уговоры эксперта на отсебятину и раздумья заняли пару часов, сомнения эксперта, ехать или нет, рассеялись благодаря тому, что с Волком они были однокашники по школе милиции. Снятые отпечатки с дверной ручки квартиры Давыдова и слепки он передал Волку.

Вечером, когда Димыч с Женей докладывали Строгову о результатах установки, пришлось сказать и про слепки с дверной ручки. Полковник их, конечно, не похвалил, даже вставил немного за самодеятельность, но передал отпечатки своим экспертам в управлении. Через час оперативники уже располагали информацией о том, что отпечатки с дверной ручки квартиры Давыдова идентичны найденным у Войтовича. В архиве они проходили по делу Григория Корбута.

– Есть! – воскликнул Строгов, – он отдал распоряжение взять Давыдова-Корбута под жесткий контроль.

Дело и впрямь продвигалось быстро. Тут же раздался звонок, и полковник, подняв трубку, услышал нечто, что заставило его встрепетаться.

– Доведите аккуратно Малеева до его дома, – распорядился он кому-то в трубку, – за Давыдовым продолжить наблюдение, пока не брать, а Коллинз пусть дальше себе катается, он, видимо, уже зафиксировал факт наблюдения Давыдова за дипломатом. А с Малеевым мы сейчас же встретимся, я только позвоню коллегам в МИД, чтобы они его вызвали к себе, а оттуда к нам.

Обстановка накалялась, Кудрин и Волк сидели в конце кабинета Строгова, мало что понимая, и молча наблюдали за всем происходящим.

Когда Строгов, наконец, вспомнил о них, то тихо произнес:

– До конца операции останетесь в моем кабинете, так надо.

Он позвонил кому-то в МИД и попросил срочно вызвать на работу Малеева, особо не объясняя причину своей просьбы. Видимо, на том конце провода люди были понятливые, лишних вопросов не задавали и ответили утвердительно.

Полковник вызвал своего сотрудника, приказав тому срочно выехать в МИД на Смоленскую площадь, заехать не с парадной стороны здания, а со двора, и привезти сюда Малеева.

Буквально тут же Строгову доложили, что некий Коллинз, чье имя Кудрин с Волком уже слышали в телефонном докладе по наружному наблюдению, въехал во двор своего посольства.

– Что же они замутили? – тихо проговорил полковник, – видно, начинается какая-то серьезная игра.

Примерно через час в кабинет Строгова вошел невысокий поджарый человек:

– Малеев, Виталий Николаевич, атташе посольства СССР в Великобритании, чем обязан приезду в столь уважаемое ведомство?

– Виталий Николаевич, вы, кажется, завтра уезжаете в Лондон? – спросил Строгов.

– Да, у меня была краткосрочная командировка в Москву, и завтра возвращаюсь на работу, – ответил Малеев.

– Тогда не будем терять времени и перейдем сразу к делу. Вы знаете этого человека? – Строгов протянул дипломату фотографию Войтовича.

– А как же, это Степан, парильщик из Сандунов, я уже несколько лет, как бываю в Москве, хожу к нему. Работу свою он знает, народ к нему в очередь записывается, профессионал, каких мало. А чем, собственно, вызван ваш интерес, с ним что-то произошло? – робко спросил Малеев.

– Да не тот он, за кого себя выдавал, и к тому уже убит, – ответил Строгов. Он вкратце рассказал Малееву то, что было уже известно о Войтовиче. – А вот в связи с его убийством у нас есть к вам некоторые вопросы.

– Так я же не один к нему ходил, там у него народу парилось каждый день уйма, – удрученно сказал Малеев.

– Какие были у вас с ним отношения? – спросил полковник.

– Да, никаких особых и не было, просто парился и все, ну как-то я ему про Темзу рассказывал. Ничего особенного не было, – смутился Малеев.

– А может, Степан вас о чем-то просил или что-то передал вам? – уточнил Строгов.

– Ну, если только мелочь, это несущественно. Когда два дня назад я парился в бане, как всегда, оставил ему бутылку виски, которую всегда ему специально привозил, а он мне подарил для бани настоящую войлочную шапочку в форме буденовки. Как-то я говорил Степану, что у меня на работе нет русской бани, а лишь финская сауна, вот он и подарил мне шапку. Я уже предвкушал зависть коллег, укладывая ее в чемодан, – сказал Малеев.

– А можно сейчас на нее посмотреть? – спросил Строгов.

– Да, только она дома, я же уже сказал, в чемодане.

– Попрошу вас, Виталий Николаевич, сейчас с нашими сотрудниками съездить домой, взять эту шапку и обратно с ней ко мне в кабинет, – быстро сказал Строгов.

Малеев в сопровождении сотрудника покинул кабинета. А уже через час перед Строговым лежала серая шапка для бани в виде буденовки.

– Отдайте ее в лабораторию, – распорядился Строгов, – я на месте.

В это время Малеев находился в другом кабинете, где оперативный сотрудник Строгова документально оформлял его показания. Минут через двадцать в кабинет к полковнику зашли два сотрудника, занимавшихся исследованием шапки.

– Товарищ полковник, – сказал один из подошедших, – в этой шапке аккуратно вшиты пятифунтовые купюры. – И он выложил перед Строговым шапку и пять штук купюр. – Мы срезали шов, они и высыпались, – и он продемонстрировал, как эти купюры размещались в шапке. – Оригинально придумано, – продолжал сотрудник, – а главное, попробуй провезти так фальшивку, ведь это скандал на всю Европу!

– Так вот что они задумали, – проговорил Строгов, – засыпать нашего дипломата с фальшивыми фунтами на британской границе, выдворить из страны, обвинить СССР в организации этого преступления, а там и газеты с телевидением подключатся. Резонанс мог бы быть очень громким.

– Товарищ полковник, – подал голос Кудрин, – а почему именно таким путем, что они там, у себя, не могли сработать фальшивые деньги и подсунуть их? Это же гораздо проще.

– В том-то и весь фокус, что «наши» фальшивки были сделаны немцами мастерски, выявить их несоответствие может лишь экспертиза. Такие деньги один человек или пара кустарей подделать не смогут, тем более сотрудники советского посольства в Великобритании по

собственной инициативе. За высоким качеством подделки стоит серьезный уровень организации, который без государственной поддержки со стороны СССР в данном случае невозможен. Попробуй, когда такие деньги обнаружат, докажи, что их провоз случаен, а изготовлены они были пару с лишним десятков лет назад. С таким набором обстоятельств защитить свою репутацию практически невозможно.

Организаторам, зная, видимо, о типографии Бернгарда, надо было достать именно его фальшивки вместо простеньких плохих купюр, чтобы заявить, что наша страна ведет нечестную игру и представляет собой угрозу финансовой стабильности Великобритании. Как ни крути, подставляли-то сотрудника посольства, человека не случайного, обладающего статусом неприкосновенности. Это уже дипломатический скандал.

Ну, не могут они опуститься до низкопробных фальшивых денег, им бы не поверили. А тут – такое качество, да еще обнаружить их у нашего дипломата, – закончил описание подтверждающейся версии замысла преступления Строгов.

– Теперь Давыдов-Корбут, – сказал сам себе Строгов и дал указание о немедленном его задержании.

Через два часа в кабинет ввели сгорбленного средних лет человека с крупными чертами лица. По всему было видно, что он незаурядной силы: крупные руки, мощная шея, широкие плечи, и если бы не его сгорбленность, можно было подумать, что это атлет.

Сопrotивления при задержании он не оказал, видимо, что-то чувствовал.

Уже через несколько минут Давыдов-Корбут не спеша рассказывал, как будто хотел выговориться за все годы своего молчания. Он подтвердил, что в 1944 году они с группой полицейских сопровождали обоз с фальшивыми фунтами и архивными немецкими документами на всех пособников фашистов из числа местного населения. В Стрешневе они напильсь, и он предложил Дольникову и Войтовичу перестрелять остальных, спрятать фальшивые деньги и сжечь архив, так как там содержался компромат на всех них. Так и решили, а когда стемнело и начали свою операцию, спяну вышла перестрелка, в ходе которой был убит не только немец и два других полицейских, но также сильно ранили Войтовича и его самого, Корбута. Войтовича пришлось оставить у какой-то женщины в Стрешневе, а самим на подводах гнать на лесопилку. Дольников был из этих мест и когда-то до войны на ней работал. Уже на лесопилке Корбут потерял сознание от потери крови и болевого шока, а очнулся уже наутро, когда ехали на подводе в сторону Гродно. Дольников сказал, что фальшивые фунты он спрятал, а архив сжег, и показал опаленную корку какого-то дела. Так и разошлись в разные стороны и долгое время не виделись. Корбут достал себе новый паспорт на имя Давыдова и устроился в Москве кинемехаником в кинотеатре.

Несколько лет тому назад к нему в квартиру постучался человек, представился, что он от Бернгарда Крюгера.

– Я думал, что все забыто, но этот Коллинз – так он себя назвал – дал понять, что те, кому надо, все помнят, и поэтому поручения Коллинза придется исполнять. Первое, что велел Коллинз, – найти ящики, которые в 1944 году они везли в обозе.

Корбут и не знал, с чего начинать поиски, пока два месяца назад случайно не оказался в Сандунах. Там он и увидел Войтовича. Они после этого встретились, вспомнили былое, и Корбут объяснил Войтовичу задачу, а главное, причину, по которой от ее исполнения трудно отказаться.

– Я сказал, что нужно найти место, где спрятаны ящики с того обоза. Войтович сказал, что прятал все Дольников, но где тот сейчас, не знает. Правда, есть у него адрес сестры Дольникова в Калуге. Он пообещал поехать к ней как однополчанин брата и попытаться установить его местонахождение.

Через несколько дней Войтович пришел в баню и в парилке сказал, что у него есть адрес Дольникова в Москве. Так они все и встретились, немножко попугали Дольникова, и он согла-

сился поехать в Стрешнево привезти те ящики. Только попросил дать ему денег, чтобы арендовать легковую машину.

Корбут встретился с Коллинзом и рассказал ему о том, что скоро ящики будут в Москве. Коллинз очень дотошно его выспрашивал о людях, посещающих парилку, и особенно заинтересовался постоянным клиентом Корбута – дипломатом из посольства СССР в Великобритании Малеевым. Тот как раз через месяц должен был приехать в Москву в командировку. Он сам об этом сказал Корбуту, когда был последний раз в Москве, еще и бутылку виски привезти пообещал.

Ну а потом, когда Дольников привез эти ящики домой к Корбуту, Коллинз пришел к нему, взял несколько купюр, остальное оставил. Вот тогда Коллинз и сказал, что нужно быстро избавиться от Дольникова и Войтовича как ненужных свидетелей.

– Ну, и ты, конечно, расправился со своими приятелями, не моргнув глазом, – прервал его рассказ Строгов.

Несколько минут Корбут молчал, уставившись на пол, потом поднял глаза и тихо сказал:

– А куда мне было деваться? Жалко, конечно, мужиков.

– Ладно, продолжай, дальше-то что было? – продолжил допрос полковник.

– А позавчера вечером ко мне пришел Коллинз, вручил войлочную шапку для бани и велел подарить ее Малееву. Шапка очень необычная – в форме буденовки, клиенту моему она сразу понравилась. Он говорил, что ходит в посольскую баню в Лондоне, в финскую сауну, а этой шапкой затмит там всех своих знакомых по работе.

– Да, психолог этот Коллинз, – произнес Строгов, – слушай, Корбут, давай как на духу, когда придет к тебе Коллинз в ближайшее время? – резко переключился на дальнейшие действия полковник.

Корбут еще больше съезжился:

– Обещал сегодня вечером в 9 часов прийти и забрать часть этих фунтов, – тихо произнес он.

– Я тебе ничего не могу сказать, но если сможешь нам взять Коллинза, мне кажется, суд учтет это, – сказал Строгов.

Кудрин машинально посмотрел на часы, уже было два часа ночи, а дела разворачивались так, что спать совсем не хотелось. Он вдруг понял, что между находкой в киоске, их с Димычем командировкой в Белоруссию, случайным обнаружением улики на лесопилке, мозговым штурмом у полковника в кабинете и датой возможного отъезда Малеева на службу прошло совсем мало времени, и они могли просто не успеть со своими выводами. Тогда сотрудника нашего посольства ждал бы верный скандал на границе.

Когда Корбута увели, Строгов подошел к окну и выдохнул, как спортсмен после финиша.

– Так, все домой, завтра будет тяжелый день, – сказал он и, попрощавшись со всеми, вышел из кабинета.

На следующий день Коллинза взяли. Задержание было для него неожиданным и происходило в лучших традициях детектива: как только он вошел в квартиру Корбута и стал считать фальшивые фунты, разнося их по своим карманам, откуда ни возьмись, на него наскочили люди, стали щелкать фотоаппаратом со вспышкой, тут же надели наручники. Коллинз, естественно, возмущался, заявлял, что это провокация и он дипломат, но работники КГБ, тщательно все задокументировав, доставили его на площадь Дзержинского.

Далее следовало выдворение Коллинза из СССР как персоны non grata, а Корбут за свои тяжелые преступления был все же приговорен к расстрелу.

Малеева, естественно, за границу больше не пустили, но оставили работать на небольшой должности в аппарате МИДа.

А Женя Кудрин, получив свою первую благодарность от руководства МВД СССР, снова каждое утро приходил на работу в родное отделение милиции, где салагой его уже больше никто не считал.

Когда заплакал тупик

Воскресный день близился к своему завершению и проходил спокойно, без особых происшествий. В этот день, согласно графику работы, Женя Кудрин был дежурным инспектором уголовного розыска по отделению милиции. Находясь в кабинете, он занимался рутинной работой по составлению различных справок по поручениям руководства и плана мероприятий на текущий квартал.

Солнечные лучи теплого сентябрьского дня бороздили по всему кабинету, и от этого Жене было очень хорошо, особенно когда солнечные зайчики появлялись то на его лице, то на столе, то и вовсе на потолке. Его душевное состояние было очень радостным еще и оттого, что он почти уже год встречается с Тamarой Гареевой и готов ей сделать предложение стать его женой. Женя улыбался, подставив свое лицо лучам солнца, и ему казалось, что его ласкает не только теплый солнечный луч, но и нежная рука его Тamarы.

Сладкую негу душевного спокойствия прервал зашедший в кабинет участковый инспектор, капитан милиции Роман Калинин.

– Привет, Женя, как дежурство? – спросил он.

– Да пока все нормально, происшествий не было, сижу вот в бумагах копаюсь, – ответил Кудрин.

– А я вот тоже сегодня по графику на работе, целый день разбирал семейные склоки, а сейчас провел инструктаж у дружинников, – устало проговорил Калинин.

– Да ты присядь и расслабься, – с улыбкой сказал Женя, – посмотри, какой сегодня солнечный день, просто сказка!

– Эх, сейчас бы выйти на лоно природы или в поход пойти куда-нибудь подальше от цивилизации, – мечтательно пробубнил Роман.

– Ты, по ходу, романтик, – с улыбкой сказал Кудрин.

– Не то слово, – с грустью ответил он, – вот смотрю я на сегодняшний чудесный день, и у меня двойное чувство: душа сегодня просит шампанского и ананасов, а организм от этой изнуряющей работы – водки и огурца.

– Очень образно ты поведал о сущности бытия простого советского милиционера, – про-
должая улыбаться, проговорил Женя.

– Это, как ты называешь, бытие – одна рутина: изо дня в день приходится иметь дело
с нарушением закона и отвратительными личностями, – с грустью в голосе промямлил Кали-
нин, – поэтому организм и требует свое. К тому же если посмотреть уголовную статистику, то
можно увидеть, что наш район находится в заднице, по сравнению с другими районами города.
Только у нас задница – это не часть тела, а количество совершенных преступлений в первом
полугодии этого года. А в конце года наступит полная задница, когда будет понятно, сколько
преступлений из них раскрыто.

– Послушай, Роман, – проговорил Кудрин, – выкинь из головы эту статистику, пусть
об этом другие думают. Относись ко всему с позитивом, ведь даже после одной небольшой
улыбки в организме дохнет один маленький микроб. А вообще, смотри на жизнь веселее и,
как говорили древние философы: даже наступив на грабли – наслаждайся фейерверком.

– Шутишь ты все, – тихо проговорил Калинин, – а мне не до шуток: на работе нервы
изматывают, несколько раз в день могут послать куда подальше, дома жена недовольна, что мало
оказываю внимания сыну. И все это от дикой занятости.

– Ну, если тебя кто-нибудь послал подальше, почувствуй себя важным посланником и на
душе станет легче, – ответил Женя.

Калинин рассмеялся и показал вверх большой палец руки, показывая, что ему шутка
понравилась.

В этот момент в кабинет буквально ворвался дежурный по отделению милиции капитан
Славин.

– Как хорошо, что вы вместе, собирайтесь на выезд, только что дежурный по городу сооб-
щил, что в доме 89 по Каширскому шоссе произошло убийство мужчины. Николаев сегодня
дежурит от руководства и приказал вам обоим выехать на дежурной машине к месту проис-
шествия, – выпалил он.

– Вот тебе и денек без происшествий, – иронично заметил Калинин.

– Я уже вызвал туда скорую помощь и позвонил в райотдел; дежурная оперативная группа
уже выехала по данному адресу. Точный адрес я уже дал милиционеру – водителю машины, –
протараторил Славин и вышел из кабинета.

– Ну вот, уже восемь вечера, и я думал, что дежурство будет спокойным, а тут – убий-
ство, – грустно проговорил Кудрин и начал быстро укладывать бумаги в сейф.

Доехали они быстро, а когда подошли к подъезду пятиэтажного дома, то увидели, что к
нему с другой стороны подъехала дежурная «Волга» из райотдела. Из нее вышли эксперт-кри-
миналист Глебов и следователь Варламов. Они поздоровались друг с другом и вошли в подъ-
езд дома. На лестничной площадке первого этажа они увидели двух пожилых женщин, одна из
которых, всхлипывая, что-то говорила другой.

Поздоровавшись с вошедшими, женщина, которая всхлипывала, сказала: – Это я вам
звонила. Минут сорок назад я приехала с дачи и увидела, что дверь квартиры моего соседа
Олега Широкова открыта. Когда я вошла туда, увидела Олега лежащим на диване с дыркой
во лбу и в луже крови. Я очень испугалась и долго не могла прийти в себя; благо у меня есть
телефон, вот я и позвонила в милицию.

Вся группа поднялась на второй этаж и зашла в квартиру, дверь которой была открыта.
В комнате на широком диване, широко расставив руки, лежал человек с явным пулевым ране-
нием в лобной части головы. Под его головой и на деревянном изголовье были видны следы
крови, а вокруг везде валялись пуховые перья от подушки, лежащей в ногах у потерпевшего.

– Видно, что стреляли через подушку, чтобы заглушить выстрел, – сказал следователь. –
Я приступаю к осмотру места происшествия и попрошу участкового инспектора пригласить
понятых.

Женя подошел к столу, стоящему на середине комнаты, и увидел небольшую сумочку. Открыв ее, он увидел паспорт на имя Широкова Олега Николаевича, 1940 года рождения, прописанного именно по этому адресу.

Эксперт-криминалист достал из своего чемоданчика резиновые перчатки и приступил к поиску возможных следов, а Кудрин в это время внимательно осмотрел квартиру потерпевшего. Это была маленькая двухкомнатная квартира с еще меньшей кухней. По всему было видно, что хозяин квартиры любил порядок: вещи аккуратно висели в открытом шкафу, книги разложены по полкам, везде было чисто и ухоженно. Выйдя в прихожую, он увидел Калинина и вместе с ним вышел из квартиры в коридор.

– Нужно найти понятых, – сказал он и позвонил в дверь рядом находившейся квартиры. Ему открыла дверь та самая женщина, которая встретила их на первом этаже дома. Калинин попросил ее пройти в квартиру потерпевшего, а Кудрин позвонил в другую квартиру. Дверь ему открыла молодая девушка лет двадцати. Женя коротко рассказал ей, что произошло с ее соседом, и также пригласил пройти в эту квартиру. Потом он спустился на первый этаж и позвонил в одну из квартир на этом этаже. Дверь открылась, и он увидел пожилую женщину, которая также встречала их в подъезде этого дома. Представившись, Женя попросил разрешения пройти в квартиру. Хозяйка пригласила его на кухню и любезно подвинула к нему маленькую табуретку.

– Расскажите, пожалуйста, что сегодня произошло, может быть, вы видели что-то подозрительное в связи с произошедшим? – спросил он.

– Зовут меня Брагина Нина Петровна, мы здесь живем с мужем давно, – проговорила она, – дети разъехались по своим семьям, вот у нас теперь одна отрада – дача. Вот и сейчас муж на даче чинит крышу, а я приехала сегодня пораньше. Днем приезжала дочь Татьяна и привезла некоторые продукты питания; помогает иногда нам, пенсионерам.

– А сейчас она дома? – спросил Кудрин.

– Да нет, час назад уехала к себе, – ответила она. – Так вот, – продолжала Брагина, – под вечер я, как обычно, с теткой Настей сижу на лавочке у нашего подъезда. Часов в пять вечера в подъезд вошел мужчина среднего роста с рыжими волосами и с большим родимым пятном под левым ухом. Я его часто видела вместе с Олегом у нашего дома.

– А как вы определили, что родимое пятно было именно под левым ухом? – дотошно спросил Женя.

– Да, именно под левым, – ответила Брагина, – наша лавочка стоит слева от подъезда, если смотреть с улицы, поэтому, когда он шел именно с этой стороны, левая часть его тела была хорошо видна. Где-то минут через тридцать тот человек вышел из подъезда, почему-то сел в машину «москвич» Широкова и уехал. Мне это тогда показалось очень странным.

– А в котором часу это примерно было? – спросил Кудрин.

– Да не примерно, а точно скажу, – ответила Нина Петровна, – ровно в шесть часов вечера.

– А откуда такая точность? – не унимался Женя.

– Мы живем на первом этаже, и окно кухни как раз выходит на подъезд, – ответила она. – Так вот, мне моя дочь из окна крикнула, что по телевизору начинается «Клуб кинопутешественников», а я еще не пропустила ни одной этой передачи. Она как раз и начинается в шесть часов вечера, поэтому я сразу же пошла домой.

– А не показалось ли вам что-нибудь подозрительным у того мужчины? – продолжал Кудрин.

– Да нет, ничего такого не было, – ответила Брагина.

Женя документально оформил ее показания и, поблагодарив, вышел из квартиры на лестничную площадку, где увидел стоящего у перил Калинина.

– Роман, – сказал он, – мне эта соседка сказала, что в шесть часов вечера видела выходящего из подъезда рыжеволосого мужчину с большим родимым пятном под левым ухом. Раньше она его часто видела вместе с Широковым, но самое интересное в том, что он сел в машину потерпевшего и уехал.

– Я уже в курсе, – ответил Калинин, – свидетельница Вагина, у которой я сейчас был, тоже сидела в это время на лавочке у подъезда и видела тоже того рыжего мужика, выходящего из подъезда. Я с большой уверенностью могу сказать, что это был Алексей Маврин, бывший оперативник нашего отделения милиции. Лет пять тому назад он уволился, это задолго до твоего прихода к нам, а сейчас работает где-то в адвокатуре.

– А почему у тебя такая уверенность? – спросил Женя.

– Во-первых, приметы совпадают, а во-вторых, я вспомнил, что когда-то видел потерпевшего с Мавриным в нашем отделении милиции.

– А ты знаешь, где этот Маврин проживает? – вопросительно проговорил Женя.

– Конечно знаю, – ответил Калинин, – через два дома отсюда. Мы когда-то заезжали к нему домой и, если мне память не изменяет, даже выпивали с ним, когда он еще работал в уголовном розыске.

Так, за разговорами, они снова поднялись на второй этаж и зашли в квартиру потерпевшего. Там уже были врачи из скорой помощи и что-то рассматривали у головы потерпевшего.

– Когда наступила смерть потерпевшего? – спросил следователь.

– Приблизительно в промежутке от семи до восьми часов вечера, – ответил совсем молодой врач.

– А может быть, раньше? – не удержался Женя.

– Да нет, по всем признакам именно в этом временном промежутке наступила смерть, уж поверьте моему опыту, – с укором проговорил он.

«О каком опыте он говорит? – подумал Женя. – Наверное, недавно окончил институт, а уж гонора хватает!»

– Я хотел бы отметить, со своей стороны, – вмешался в их разговор эксперт-криминалист, – что на полу рядом с потерпевшим обнаружена металлическая зажигалка, гильза от патрона и сама пуля, выпущенная из пистолета Макарова. Пуля прошла сквозь лобную кость и застряла в деревянном изголовье дивана. Кроме того, я взял со стола два стоящих стакана, из которых, вероятно, что-то пили, и тоже упаковал их; на них четко видны следы чьих-то пальцев. Все эти вещественные доказательства будут приобщены к делу, а заключение экспертизы перешлю вам завтра.

Труп потерпевшего санитары завернули в белую простынь, положили на носилки и понесли к своей машине, а врач, составив акт о смерти потерпевшего, попрощавшись, также покинул квартиру.

– Ну что, протокол осмотра места происшествия составлен, эксперт свою работу тоже закончил, поэтому мы уезжаем в райотдел, – проговорил следователь, – а все материалы после доклада руководству будут переданы вам, как сказал наш криминалист, завтра утром.

– Какие рабочие версии выдвигаешь? – тихо спросил у Жени Калинин.

– Первое, что приходит в голову, – кража, – ответил он, – посмотри, все ящики письменного стола открыты, как будто бы там что-то искали.

– Но ведь их мог открыть сам потерпевший, – ответил Калинин.

– Судя по относительному порядку в квартире, потерпевший был аккуратным человеком и оставлять открытыми сразу все ящики стола, как мне кажется, было нехарактерно для него, – проговорил Кудрин. – И еще, поскольку соседка Широкова характеризовала его как эдакого ловеласа, к которому приходили разновозрастные женщины, возможно, убийство совершил какой-то обманутый муж. И это – вторая версия на этот момент. А что касается бывшего опе-

ративника Маврина, приходившего к потерпевшему незадолго до его убийства, тут надо все тщательно проверить и поговорить с ним.

– Понятно, – коротко ответил Калинин.

Через несколько минут они все сразу вышли из квартиры потерпевшего; оперативная группа уехала, а Калинин, закрыв входную дверь квартиры Широкова на ключ, висевший в прихожей, посмотрел на Кудрина и спросил: – Что дальше будем делать?

– Для начала надо поставить в курс дела Николаева, он сейчас в отделении милиции, – тихо проговорил Женя.

Они спустились на первый этаж, и Кудрин вновь позвонил в знакомую квартиру. Когда Брагина открыла дверь, он поинтересовался, есть ли у нее телефон. Получив утвердительный ответ, он попросил разрешения позвонить. Разрешение было получено, и Женя, набрав телефон Николаева, подробно рассказал ему о результатах осмотра места происшествия и о своих личных впечатлениях. И еще он особо акцентировал тот факт, что Калинин по косвенным признакам опознал человека, приходившего к потерпевшему сегодня вечером и уехавшему на его автомобиле. Это бывший работник уголовного розыска отделения милиции Маврин. Николаев был удивлен этой информацией и сказал, что он знает Маврина и тот когда-то работал с ним в отделении милиции. А когда Женя сказал, что Калинин раньше видел потерпевшего с Мавриным, то Павел Николаевич особо подчеркнул важность этого факта и подчеркнул необходимость срочной встречи с ним для объяснения его действий. Женя в ответ сказал, что Калинин знает, где проживает Алексей Маврин, это совсем рядом, буквально в десяти минутах ходьбы от того места, где они сейчас находятся. И еще сказал, что они приняли решение пойти прямо сейчас к нему на квартиру. Николаев одобрил их план и предупредил об осторожности, так как Маврин – человек «гнилой», от которого можно ждать все что угодно, к тому же, по его информации, работает в настоящее время в адвокатуре района. И еще попросил информировать его о результатах поиска Маврина.

Минут через пятнадцать они подошли к такому же пятиэтажному дому, и Калинин уверенно повел Женю к крайнему подъезду, возле которого одиноко стояла припаркованная белая «Волга». Они зашли в подъезд, поднялись на третий этаж и остановились у массивной деревянной двери. Калинин позвонил в звонок, но никто не откликнулся, тогда Женя стал кулаком стучать по двери. Никто опять не ответил, но неожиданно открылась дверь соседней квартиры и в двери показался человек крепкого телосложения, одетый в спортивные брюки и майку.

– Чего стучите? – громко спросил он, явно показывая свои мощные бицепсы.

Однако, увидев Калинина в милицейской форме, немного съезжился и виновато улыбнулся.

– Вы не в курсе, где сейчас находится ваш сосед Алексей Маврин? – спросил Калинин.

– Как же не знаю, очень даже знаю, на дачу он поехал, в Сва-теево, – ответил он и пригласил их войти в квартиру.

Они зашли в небольшую квартиру; в комнате сидела женщина и смотрела телевизор, поэтому хозяин повел их на кухню.

– Меня зовут Петренко Сергей Данилович, я сосед Лешки Маврина, – проговорил он, – у нас с ним хорошие соседские отношения. Он ведь раньше тоже в вашем ведомстве работал, а сейчас он уважаемый человек – адвокат. А по какому вопросу вы к нему, что-то по работе?

– Да, по работе, – ответил Калинин, – он нам очень нужен по одному делу.

– Посоветоваться с ним нужно, – перебил Калинина Женя.

– А, если посоветоваться, то это правильное решение, – ответил Петренко, – адвокаты подскажут, как нужно поступить в том или ином случае.

– Так где находится эта дача? – нетерпеливо проговорил Кудрин.

– Да по Каширке верст десять от кольцевой автодороги, – сказал уверенно Петренко, – там будет указатель на Сватеево, и вы должны свернуть влево. Через два километра увидите

небольшую деревню, это и есть то место, где у соседа находится дачный участок. У него, правда, там стоит лишь одна баня с большим предбанником; я у него там несколько раз бывал и парился в ней.

Беседуя с Петренко, Женя обратил внимание, что на кухонном столике стоит телефон.

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – спросил он у Петренко.

– Конечно, звоните, – без колебания ответил он.

Кудрин набрал номер телефона Николаева и коротко доложил ему, что Маврина дома не оказалось, а сосед по лестничной площадке Петренко сообщил, что тот в настоящее время находится на своей даче. И еще сказал, что сосед дал точный адрес дачи, так как бывал там вместе с Мавриным, а дача находится рядом, в десяти километрах по Каширскому шоссе. Женя сказал, что они с Калининым решили прямо сейчас поехать туда, найти Маврина и получить от него объяснение о его сегодняшнем визите к Широкову. Николаев санкционировал эту поездку на дежурной машине, но еще раз предупредил об осторожности.

Поблагодарив Петренко за информацию, они вышли на улицу и направились к машине, которая все это время стояла у дома Широкова.

Через полчаса они подъехали к деревне Сватеево и первое, что увидели, как на единственной ее улице не спеша передвигалась свора грязных собак. Женя про себя отметил, что возглавляла эту процессию небольшая дворняжка с коротким хвостом. По обе стороны улицы стояли небольшие деревянные домики, у некоторых из которых отсутствовала крыша. Были видны столбы электролинии, утопающие в грязевых лужах, а рядом, метрах в десяти, виднелось полуразрушенное кирпичное здание, над которым висела вывеска с большими нарисованными буквами: «Министерство культуры РСФСР, Сватеевский сельский клуб».

– Да, – проговорил Женя, – по всей стране много таких умирающих деревень, а люди, еще проживающие в них, бытуют, будучи практически изолированными от общества. Пользы от таких деревень стране никакой нет, а вот убытков много, ведь во все эти деревни необходимо прокладывать дороги, тянуть телефонную связь и электричество. Вот и здесь, судя по всему, жильцов совсем мало, лишь в нескольких домах горит тусклый свет.

Они вышли из машины и сразу же, как пояснил Петренко, пошли по тропинке влево. Через мгновение они оказались перед небольшим участком, огороженным полуразрушенной металлической сеткой. У калитки стояли два автомобиля «москвич»: один – серии 407, другой – маленькая старая «коробочка» 401-й серии.

Подойдя поближе, они увидели, что на середине участка стоит столб, на котором висел прожектор. Его луч освещал не только сам участок, но и стоящий возле него деревянный стол со стоящими по его сторонам лавками. На них восседали трое мужчин, закутанных в простыни, и что-то громко обсуждали в выражениях крепкого русского мата. На столе стояла большая десятилитровая бутылка с мутной жидкостью, а вокруг нее лежала разнообразная закуска. В свете прожектора было видно, что говорили двое из них, а третий, уткнувшийся лицом в стол, в разговоре участия не принимал.

– Вон тот с рыжими волосами, что размахивает руками, и есть Маврин, – тихо сказал Калинин.

Метрах в десяти от них находился небольшой сруб, из трубы которого шел дым.

– Судя по всему, это баня, – также тихо проговорил Кудрин, и они, миновав открытую калитку, подошли к столу. Сидевшие за ним мужчины замолчали и уставились на пришедших из темноты мужчин, но поскольку Калинин был в форме, это как-то сгладило нервозную обстановку.

– Ромка, ты откуда взялся? – пьяным голосом спросил рыжеволосый, поднимаясь с лавки.

– Привет, Лешка, – ответил Калинин, – у нас к тебе есть несколько вопросов.

– Да какие там вопросы, присаживайтесь за стол, – проговорил он.

Они присели на свободную лавку, и Женя в свете прожектора увидел у Маврина то самое родимое пятно под левым ухом.

– Во как, да здесь знакомые все лица, – сказал участковый инспектор, – и директор гастронома Серегин, и спящий за столом заместитель директора плодоовощной базы Ильин.

– Да, мы тут все уважаемые люди, – пытаюсь встать из-за стола, сказал Серегин и тут же свалился с лавки на землю.

– Крепко вы гуляете, – проговорил Калинин, – а ведь завтра всем надо идти на работу.

– Ты за нас не переживай, – усмехнулся Маврин, – давай лучше нальем хорошей самогонки.

– Да я как-то не переживаю, – ответил участковый инспектор.

– А кто это с тобой пришел Роман, что за юнец такой? – вдруг спросил Маврин.

– Это наш инспектор уголовного розыска Кудрин Евгений, – ответил Калинин.

– Ну надо же, пацанов стали набирать в милицию, опытные сыщики разбежались от такой зарплаты, – пробурчал рыжеволосый.

– Ты что, себя имеешь в виду, опытный сыщик? – с укором спросил Калинин. – Ладно, разговоров больше не будет, собирайся и поедем в наше отделение милиции.

– Ты что, Роман, сдурел, я никуда не поеду, я отдыхаю с друзьями, – заревел от злости Маврин.

– Послушай, опытный сыщик, – не выдержал Женя, – несколько часов назад в своей квартире выстрелом в голову был убит твой дружок Олег Широков. Свидетели видели, что ты выходил из подъезда его дома, сел в его машину и уехал. Ты ничего не хочешь нам объяснить?

– Да, я был у него, – заплетаясь, проговорил Маврин, – мы перекурили, и я попросил у него машину, чтобы доехать до дачи. Моя «Волга» не завелась, видимо, что-то с аккумулятором случилось.

– Вот об этом мы с тобой и поговорим в отделении милиции, – сказал Калинин, – давай одевайся и поехали.

Маврин усмехнулся, медленно поднялся с лавки и шаткой походкой побрел к бане, а Женя и Калинин последовали за ним. Они зашли в просторный предбанник, на потолке которого тускло горела лампочка. Маврин, сняв с себя простынь, начал одеваться, а когда он с вешалки снял рубашку, то под ней на крючке висела кобура с торчащей из неё рукояткой пистолета.

– Чей ствол? – резко спросил Калинин.

– Мой, наградной, – ответил Маврин и потянулся рукой к кобуре. Но в этот момент Женя опередил его и сам снял кобуру с пистолетом с крючка.

– Ты чего, парень, отдай ствол, – проревел Маврин.

– Разберемся, если у тебя документы на него в порядке – вернем, – спокойным голосом проговорил Калинин.

– Да ты, Роман, видимо, не знаешь, что я теперь адвокат, смотри, как бы не погорел за самоуправство, – ехидно прошепелявил Маврин.

– Давай одевайся быстрее, некогда рассуждать, – ответил Кудрин.

Когда Маврин оделся и они вышли из бани, Женя увидел, как он попытался ударить Калинина кулаком по голове, но тот увернулся, и кулак Маврина, описав в воздухе дугу, потянул его тело на землю. В этот момент к ним подбежал милиционер – водитель дежурной машины, который помог Жене поднять Маврина.

– Ведите его к машине, а я тут кое-что оформлю, – сказал участковый инспектор и снова зашел в баню.

Когда Женя и милиционер-водитель привели Маврина и посадили на заднее сиденье в машину, тот, откинув голову назад, захрапел. А Женя краем глаза увидел, как Калинин вышел из бани с каким-то листком бумаги и подошел к столу, где пытался подняться один из собу-

тыльников Маврина. Участковый инспектор поднял его и помог взгромоздиться на лавку, и в этот момент зашевелился и второй собутыльник, до этого спавший, уткнувшись в стол. Калинин им что-то говорил, но видно было уже плохо, и Женя перевел взгляд на спящего Маврина.

Через некоторое время подошел Калинин и передал Кудрину протокол изъятия пистолета, подписанный обоими собутыльниками Маврина.

Приехав в отделение милиции, они с трудом дотащили спящего Маврина в дежурную часть. Дежурный по отделению милиции удивился, увидев Маврина в таком состоянии, он еще помнил его в бытность работы в уголовном розыске. В этот момент в дежурную часть зашел Николаев. Женя рассказал ему про пистолет, найденный у Маврина, и предъявил его начальнику. Павел Иванович аккуратно осмотрел его, а затем попросил дежурного офицера «откатать» на всякий случай пальцы у спящего Маврина и утром вместе с пистолетом отправить в райотдел на экспертизу.

– Вот ведь как бывает, – проговорил он, – еще недавно мы с ним вместе работали, а сейчас лежит он пьяный на нарах, и похоже, что сам совершил противоправное деяние.

– Но в отношении убийства Широкова у него, похоже, есть алиби, – сказал Женя, – он ведь, судя по всему, приехал на дачу еще до его убийства.

– А я говорю пока не об убийстве, а о хранении и ношении огнестрельного оружия, которым его никто не награждал, – проговорил Николаев. – А сейчас уже поздно и пора идти домой; завтра будем выдвигать и обсуждать версии и продолжать расследовать это дело.

Утром следующего дня Кудрин, минуя свой кабинет, сразу направился к Николаеву.

– Проходи, Женя, – сказал он, – сейчас приведут Маврина, и мы с ним потолкуем. Я так думаю, что через пару часов мы будем знать результаты экспертизы пистолета, изъятая вчера у него.

Через несколько минут дежурный офицер ввел в кабинет задержанного. Вид у него был помятый, во все стороны торчали рыжие лохматые волосы, глаза были красными, а на лбу выступали капельки пота.

– Проходи, Леша, присаживайся, – проговорил Николаев.

– Ты что, Паша, с ума сошел, невинного человека в обезьянник засунул, да еще и пальцы откатал; беспредел творите, – надрывным голосом закричал Маврин.

– Ты что так кричишь, мы ведь не глухие, – резко обрубил его Николаев, – мы сами хотим во всем разобраться. Где ты был вчера с семи до восьми часов вечера?

– Где, в Караганде, – язвительно ответил он, – мне вчера твой пацан сказал, что убили Олега Широкова, так вот я к этому не причастен.

– Во-первых, не пацан, а инспектор уголовного розыска Кудрин, и, в отличие от тебя, у него за спиной школа милиции, – сказал Николаев, – а во-вторых, свидетели утверждают, что тебя вчера вечером видели выходящим из дома, где жил потерпевший, и садящимся в его машину.

– Ну да, я заходил к нему с просьбой дать мне его машину для поездки на дачу, – ответил Маврин, – так как у моей «Волги», видимо, аккумулятор накрылся и я не смог ее завести.

– А в котором часу это было? – спросил Женя.

– Я точно помню, что это было около шести часов вечера, – ответил Маврин, – так как в половине седьмого меня ждал у своего магазина Витя Серегин, с которым мы вместе собирались поехать ко мне на дачу.

– Расскажи подробнее о встрече с Широковым вчера, – тихо проговорил Николаев.

– Да что там говорить, – ответил Маврин, – когда я пришел к нему, он сидел за письменным столом, рассматривал какие-то бумаги и пил пиво. Я попросил его дать ключи от его машины, чтобы поехать на дачу, и объяснил, что моя «Волга» сломалась. Олег без вопросов достал из своей сумочки ключи и передал их мне.

– Ну надо же, какое доверие, – заметил Женя.

– Так он же двоюродный брат моей бывшей жены, – сказал Маврин, – с ней мы расстались, а с ним сохранили хорошие отношения. Он, кстати, тоже должен был поехать вчера с нами на дачу, но потом передумал, сославшись на дела. Мы с ним посидели минут десять, покурили по сигарете, выпили по стакану пива, и я ушел.

– А Широков тебе ничего не говорил, может быть, он ждал кого-то? – спросил Кудрин.

– Нет, ничего такого не говорил, – ответил Маврин. – А как его убили? – вдруг спросил он.

– Выстрелом из пистолета в лоб, – ответил Женя.

– Ну и отсюда закономерный вопрос, откуда у тебя пистолет Макарова, я что-то не помню, чтобы тебя награждали им? – спросил Николаев.

Маврин замолчал и уставился на окно, как будто там что-то происходило.

– Повторяю, – громко произнес Павел Иванович, – откуда у тебя ствол?

– Ну, ты же знаешь, Паша, что почти у каждого оперативника есть свой ствол, – тихо проговорил Маврин. – Помнишь, шесть лет тому назад мы брали банду Малинкиных в деревне Садовники. Тогда мы у них изъяли целую кучу разных стволов.

– Помню, и очень хорошо, – ответил Николаев, – тогда, если память мне не изменяет, мы изъяли четыре пистолета и два обреза, а когда приехали в отделение милиции, то одного Макарова не досчитались. Но в той суматохе все были на подъеме от удачной операции по задержанию опасных преступников и этот факт как-то «замылили», указав в рапорте об изъятии лишь трех пистолетов. Так, значит, это ты утянул тот ствол!

– Экспроприровал, – улыбаясь, ответил Маврин, – и, как я понимаю, его уже направили на экспертизу.

– Правильно понимаешь, – также с улыбкой ответил Николаев.

– А я возьму и откажусь от этого ствола, скажу, что мне его подкинули, а пока я спал, в ладонь положили этот ствол, чтобы экспертиза показала именно на мои отпечатки, – язвительно пробурчал Маврин.

– А на этот счет у нас имеется протокол изъятия пистолета, – сказал Николаев и показал ему бумагу, лежащую у него на столе.

– Без понятых – это фикция, – парировал Маврин.

– Почему же без понятых, вот подписи Серегина и Ильина, которые и выступили в качестве понятых, – проговорил Павел Иванович, показывая ему подписи понятых в протоколе.

– Да они оба пьяные в дугу были, – резво сказал он.

– Но об этом история умалчивает, – задумчиво проговорил Женя.

Воцарилось молчание. Маврин уставился глазами в пол, соображая, что, видимо, не все так просто у него будет.

– Послушай, Алексей, а что за картинка с изображением волка была в кобуре пистолета? – спросил Николаев.

– Какая картинка, ничего не знаю, – ответил он.

– Да вот она, – проговорил Кудрин, вынимая ее из кармана.

– Первый раз вижу, – ответил Маврин, – послушайте, что вы мне разные загадки накручиваете: сначала об убийстве Широкова, а потом о какой-то картинке с нарисованным волком?! Вдруг он внезапно умолк, отвел глаза в сторону и вытер пот со лба.

– Что-то вспомнил, Алексей? – спросил Павел Иванович.

– Да нет, ничего, – как-то неуверенно ответил он.

По его напряженному лицу Жене стало понятно, что он о чем-то подумал, но говорить об этом не захотел.

– Мы, Алексей, не первый год работаем в уголовном розыске и знаем все правила, – твердым голосом сказал Николаев, – за хранение и ношение огнестрельного оружия ты уже имеешь срок.

– Да не пугай меня, Паша, – ответил Маврин, – вот посмотришь – к вечеру я отсюда выйду, а ты долго будешь извиняться передо мной.

– Вот это вряд ли, – проговорил Николаев, – ты хоть и адвокат, но сейчас – простой гражданин, который переступил черту закона.

– Да что ты заладил со своей чертой, – ответил Маврин, – мои друзья вытащат меня из твоих «объятий», а вот тебе будет плохо.

– Не угрожай мне, Алексей, лучше подумай о своем будущем, – сказал Павел Иванович и, позвонив в дежурную часть отделения милиции, попросил, чтобы Маврина отвели в камеру.

Когда его увели, Николаев сказал:

– Нужно опросить его собутыльников по поводу времени приезда Маврина на дачу.

– Калинин их должен был с утра вызвать к нам, – ответил Кудрин, – видимо, они уже здесь, у моего кабинета.

– Ну а нам теперь нужно только дождаться заключения эксперта-криминалиста по пистолету, изъятому у Маврина, – сказал Николаев.

Когда Женя вышел из кабинета начальника, в коридоре ему встретился старший из оперативного состава отделения милиции Лев Ерихин.

– Привет, Женя, – проговорил он, – дежурный сказал, что ты Мавра взял?

– Ну да, вчера вечером одного мужика грохнули, а Маврин, по всей вероятности, был последним, с кем встречался потерпевший, – ответил Кудрин, – да еще и ствол «левый» у него нашли.

– Ствол отдали экспертам? – спросил Ерихин.

– Да, рано утром отвезли в райотдел, – ответил Женя.

– Гнилой человек этот Маврин, – тихо проговорил Лев Алексеевич. – Мы ведь с ним работали вместе в нашем же отделении милиции. Он всегда мечтал иметь много денег, копил на автомашину. Я помню, как-то лет шесть назад мы с ним выезжали на одну квартирную кражу, так вот он тогда составлял протокол осмотра места происшествия, где были указаны все похищенные вещи. Меня тогда поразила стоящая на столике оригинальная зажигалка с головой льва. Так вот, – продолжал Ерихин, – через неделю в курилке я увидел ее в руках Маврина. Увидев, что я посмотрел на нее, он быстро спрятал ее в карман. Видимо, это был не первый такой случай, ребята про него разное рассказывали. Жадный он всегда был до денег, никогда не сбрасывался со всеми на подарок ко дню рождения кого-либо из сотрудников.

Поблагодарив Ерихина за информацию, Женя быстрой походкой пошел в свой кабинет.

Опрос собутыльников Маврина почти ничего не дал: Ильин приехал на дачу около девяти вечера, когда футбол уже заканчивался, а Маврин с Серегиным слушали радиоприемник и болели за Спартак. Серегин подтвердил слова Маврина о том, что тот, как и было заранее условлено, приехал за ним около семи часов вечера. Но приехал не на своей машине, а на «москвиче» старого образца.

Документально оформив показания свидетелей, Женя сел за свой стол и начал разбирать рабочие бумаги. Через час зазвонил телефон и он услышал взволнованный голос Николаева: «Женя, срочно зайди ко мне».

Через минуту Кудрин снова входил в кабинет своего начальника.

– Только что мне позвонил эксперт-криминалист и сказал, что Широков был убит из пистолета, изъятого у Маврина, – сказал Николаев, – кроме того, на стволе пистолета были обнаружены следы крови, идентичной группе крови потерпевшего. Пуля и гильза, обнаруженные на месте происшествия, были выпущены также из этого пистолета. И еще, на зажигалке, валявшейся у трупа, и на стакане, стоявшем на столе, также «засветились» пальчики Маврина.

– Вот это да! – воскликнул Женя. – Я, конечно, Маврина не знаю как человека, но убить своего в прошлом родственника – верх цинизма.

– Насколько я его помню, – проговорил Павел Иванович, – он был не очень хорошим человеком в коллективе, все его коллеги отмечали в нем наравне с завистливостью и жадностью – хитрость и трусость. Однако пойти на «мокрое дело» он мог решиться исключительно только из-за больших денег.

– Странно, – задумчиво сказал Женя, – а какой же был мотив этого преступления, чем ему так насолил Широков, чтобы его нужно было убивать? И еще, – продолжал он, – если это убийство – дело рук Маврина, то зачем он тогда сел в его машину и на глазах соседей уехал? Мне кажется, что так преступники не поступают, они пытаются скрытно покинуть место преступления и не оставлять дверь квартиры открытой, где только что был убит человек. И потом – нагло сесть в его машину при сидевших на лавочке соседях и со свистом укатить, а потом на даче еще и общаться со своими приятелями, как будто ничего не произошло...

– Это все так, – проговорил Николаев, – но прямые улики уже говорят о том, что убить Широкова мог именно Маврин.

– А вот у меня пока нет такой убежденности в вине Маврина, – сказал Женя, – ведь чертовщина какая-то получается: Широков был убит в промежутке от семи до восьми часов вечера, что подтвердил врач из скорой помощи и наш эксперт, – и это факт! Соседка Широкова Брагина видела выходящего из подъезда Маврина в шесть часов вечера, так как дочка из окна первого этажа позвала ее домой именно в это время. По телевизору начиналась передача «Клуб кинопутешествий», которую Брагина никогда не пропускала. И это тоже факт! Собутыльник Маврина Серегин утверждает, что тот заехал за ним к магазину в половине седьмого вечера и они быстро поехали, чтобы успеть на матч московского «Спартака» с минским «Динамо», репортаж которого по радио начинался в семь часов вечера. И это – третий факт! Я, кстати, сегодня позвонил на телецентр, – продолжал Кудрин, – и мне подтвердили, что вчерашняя передача клуба путешественников началась в шесть вечера, а футбол – в семь вечера. Если дальше рассуждать: от дома Широкова до села Сватеево ехать около тридцати минут, так как машин в сторону области в воскресенье идет немного. Предположим, что они приехали на дачу в семь вечера, быстро побросали дрова в топку, сели за стол и включили радиоприемник. Ну как здесь не выпить сто грамм за начало матча!

– Да еще и не по одной стопке, наверное, накатали, – проговорил Николаев.

– И, наверное, обильно закусили, – сказал Женя. – Когда мы вчера приехали на дачу, то увидели, что стол ломился от разных закусок.

– Ты так вкусно говоришь, – проговорил Николаев, – что мне самому захотелось накатить грамм сто пятьдесят.

– Так вот и получается, что футбол начался в семь вечера и продолжался как минимум полтора часа, а в это же время происходит убийство Широкова, – продолжал строить логические цепочки Кудрин, – даже физически Маврин не смог бы снова приехать в его квартиру, убить его и вернуться опять на дачу. Он бы смог обратно приехать только часов в девять вечера, так как дачники уже потоком едут в Москву и движение затруднено. Ильин утверждает, что приехал на дачу почти к завершению футбола, то есть – около девяти часов вечера. Так что Маврин физически не смог бы проделать такой трюк, – сказал Женя, – вот и получается, что пистолет Маврина, висевший в кобуре на вешалке в бане, каким-то таинственным способом переместился в квартиру Широкова, застрелил его и обратно вернулся в баню. Мистика! Получается какой-то тупик, в котором я не могу найти выход. Никакой логики в событии преступления и взаимосвязи Маврина с ним я не просматриваю, сумбур какой-то в голове.

– Ты, Женя не огорчайся, – подумав, проговорил Николаев, – в любом расследовании рано или поздно появляется тупик. Тебе надо сейчас снова попробовать расставить все на свои места, постараться еще раз все факты разложить по полочкам. Поверь мне, что это отличный способ выйти из «мертвой точки» и прибраться в своих мыслях. А что касается логики, – продолжал Павел Иванович, – то это, по сути, твои мысли, связанные с аргументацией того или

иною события, в данном случае – с убийством Широкова. Вот, например, если у тебя дома погас свет, то ты делаешь вывод, что сгорели электрические пробки, и проверяешь их. Этот пример простой, однако цепь твоих рассуждений может быть и сложной. Но если ты будешь генерировать только прямые факты и явные аргументы в сочетании с косвенными уликами и вовремя откидывать ненужные, возможен выход на прямую дорогу и выявление всех обстоятельств, касающихся этого дела.

– Ну вы, Павел Иванович, настоящий философ! – восхищенно проговорил Женя. – Все верно говорите, однако в этом деле много фактов, не поддающихся логике.

– Когда логика не работает, на помощь приходит интуиция, – задумчиво проговорил Николаев.

– Которая может окончательно ввести в заблуждение, – парировал Кудрин.

– А когда не работает ни логика, ни интуиция, тогда поможет лишь отчаянная уверенность в правоте своей версии, – ответил Николаев. – Ты все правильно понимаешь, попробуй обойти этот тупик другой дорогой. Может быть, необходимо выдвинуть новые, на первый взгляд фантастические, версии. Вот ты упомянул об одной детали, – продолжал Павел Иванович, – о картинке с изображением волка, которая лежала в кобуре пистолета. Маврин не смог объяснить ее появление, по его словам, он туда ее не вкладывал.

– Я тоже об этом думал, – ответил Кудрин, – собутыльники Маврина также ничего не знали об этой картинке. Но это ведь может быть каким-нибудь знаком, и кто-то заранее подложил ее в кобуру.

– Это очень сомнительно, – парировал Николаев, – у Маврина была оперативная кобура нового образца; человек надевает ее на рубашку, и она полностью соприкасается с телом.

– Ну тогда и картинку с изображением волка тоже «нелегкая» занесла, – с усмешкой проговорил Женя.

– Да, нечистая сила какая-то, – также улыбнувшись, сказал Павел Иванович.

– Мне кажется, что вы все-таки думаете, что именно Маврин мог убить Широкова еще до поездки на дачу? – неуверенно спросил Женя, посмотрев в глаза начальнику.

– Видишь ли, Женя, я уже говорил, что прямые улики против Маврина именно об этом и говорят, – ответил Николаев. – А врач, осматривавший тело Широкова, и свидетельницы, видевшие его на выходе из подъезда, и собутыльники Маврина могли ошибиться, назвав как время предполагаемой смерти потерпевшего, так и время, в котором его видели выходящим из подъезда.

– Ну, я понимаю, что тот врач был совсем молодым, видимо недавно после института, и мог ошибиться с моментом наступления смерти Широкова, да и собутыльники могли что-то напутать, – проговорил Кудрин, – но Брагина ведь абсолютно точно сказала, в котором часу Маврин вышел из подъезда.

– Давай рассуждать, – ответил Николаев. – Ее позвала дочка на телевизионную передачу ровно в шесть часов вечера. Но она ведь могла и чуть задержаться, беседуя с соседкой. Знаю по своей жене, как станет тарыхтеть с соседками, забывает про все на свете, в том числе и про телепередачи. А если предположить, что это именно так и было, то она могла увидеть выходящим из подъезда Маврина чуть позже. Тем самым и сокращается временной просвет между его выходом из подъезда и временем смерти Широкова. Ты обязательно еще раз поговори с тем врачом, может быть, смерть потерпевшего наступила чуть раньше, чем семь вечера.

– Конечно, потолкую с ним, Павел Иванович, – проговорил Кудрин.

– Возможно, все так это и было на самом деле, – сказал Николаев.

– А что если пойти по другому алгоритму, – медленно проговорил Кудрин, – посмотреть в архиве последние дела, которые вел Маврин.

– Вот это правильно, молодец, Женя, – похвалил Николаев, – чем черт не шутит, может быть, здесь и откроется выход из твоего тупика. Давай займись этим вопросом, а я возьму санкцию прокурора на арест Маврина.

Женя уходил из кабинета начальника с определенной долей сомнения в правильности первоначально выдвинутых версий и полным сумбуром в голове оттого, что не получается состыковать реальные улики преступления, указывающие на причастность к ним Маврина, с его же алиби.

Когда он пришел к себе в кабинет и сел за стол, мысли продолжали хаотично блуждать в его голове, возбуждая его уязвленное самолюбие.

«Вот ведь как получается, – думал Женя, – ни одна версия не помогает раскрыть полную картину убийства Широкова, не говоря уж о мотиве преступления. Все это говорит о том, что оно не вполне укладывается в шаблон, описанный в учебниках по криминологии. Вот и не сходятся концы с концами, а единая целостная картина убийства чем-то нарушена».

Мысли продолжали бегать в голове с огромной скоростью, наваливаясь одна на другую.

– Ну, довольно, – тихо сам себе сказал Женя, – пора выключать этот мысленный бедлам, а то и свихнуться недолго.

Тут вовремя и пришла в голову недавно услышанная фраза: «Если у вас сумятица в голове и плохое настроение, нужно тяпнуть водки, хлопнуть пива и добавить коньяка. И тогда наверняка вдруг заплещут облака и кузнечик запиликает на скрипке...»

«К чему бы это, – улыбнувшись, подумал Женя, – а ведь мысль интересная, может быть, это и есть сермяжная правда сегодняшнего дня».

Всю вторую половину дня он провел в архиве райотдела, внимательно изучая материалы уголовных дел, в которых принимал участие Маврин. И к вечеру он так устал, что ему хотелось бросить все и убежать отсюда, как вдруг наткнулся на дело об убийстве молодого человека семилетней давности. Какое-то внутреннее чувство заставило его более внимательно ознакомиться с материалами этого дела, ибо обвиняемым по нему был человек по фамилии Волк. Читая эти старые бумаги, Женя с удивлением для себя отметил, что это дело с самого начала вел Маврин, а свидетелем убийства выступал не кто иной, как Олег Широков.

Он вначале не поверил своим глазам, но, когда стал вникать в материалы дела, увидел много нестыковок в нем. В тот вечер у кафе «Шашлычная» на Старокаширском шоссе завязалась драка и, как показал свидетель, Волк, будучи в нетрезвом виде, ударил камнем по голове молодого парня. Тот и скончался в больнице, куда его отвезла скорая помощь. Маврин лично задерживал подозреваемого, но тот отрицал и свое участие в драке, и убийство того парня. Он твердил, что, будучи сильно пьяным, присел на лавочку и заснул, однако свидетель Широков настаивал, что ударил парня именно Волк. В рапорте участкового инспектора Семенова, присутствовавшего тогда на месте происшествия, было написано, что Волк находился в очень сильной степени опьянения и было понятно, что он не только ходить, но и ползать не мог.

«Если была драка, – рассуждал Женя, – то должны же быть какие-то повреждения у нападавшего, на худой конец – рубашка порвана, но в его рапорте об этих деталях ничего не было сказано. А вот в рапорте Маврина говорилось, что ударил камнем того парня, из-за пьяных галлюцинаций, именно Волк. Что за «пьяные галлюцинации»? – спросил сам у себя Кудрин. – Да и дело само – кущее, основанное на прямых показаниях лишь одного свидетеля и куче косвенных, которые с натяжкой можно было отнести как к свидетельским. Такое дело как минимум должно было быть отправлено на следствие, однако оно было передано в суд, который и присудил Волку шесть лет колонии общего режима. Нужно проверить, не освободился ли Волк из мест лишения свободы», – подумал Женя. Что-то подсказывало ему, что, возможно, он ухватился за тоненькую соломинку, которая может привести к разгадке убийства Широкова.

На следующий день он доложил Николаеву о своих находках в архиве.

– Вот видишь, Женя, – сказал Николаев, – на горизонте возникла новая версия – месть за причиненные страдания! Ведь если Волк действительно не убивал того молодого парня, значит, он зря просидел на зоне по сфабрикованному делу. Вот и мотив – отомстить и Широкову, и Маврину.

– А если бы картина преступления у того кафе, описанная в рапорте Маврина, соответствовала тому, что произошло на самом деле, и уголовное расследование проводилось по всем правилам, с привлечением всех объективных фактов, – проговорил Женя, – все, наверное, для Волка сложилось бы иначе. Кому было выгодно выставить Волка в качестве убийцы? Ответ простой, – продолжал он, – тому, кто вел это дело и имел какую-то заинтересованность в его искажении; мне представляется, что Волк не убивал того парня у кафе.

– Но это всего лишь твои предположения, – с укором ответил Николаев, – и с чего это ты решил, что Волк не убивал его; по пьяному делу совершаются многие преступления, и, находясь в сильном алкогольном опьянении, человек может и не соображать, что делает.

– Это понятно, – ответил Кудрин.

– Знаешь что, Женя, – сказал начальник, – поезжай в то кафе «Шашлычная» на Старокаширское шоссе, возле которого был убит тот молодой парень. Оно находится у магазина «Спорт», его все знают. В этом кафе директором уже много лет работает Первушин Степан Ильич, с которым я когда-то познакомился. Так вот, лет шесть назад, – продолжал Николаев, – в это кафе залезли грабители и украли всю дневную выручку. А твой наставник Лева Ерихин, спустя сутки, задержал преступников и вернул украденные деньги. Тогда Степан Ильич очень благодарил нас и сказал, что готов выполнить любую нашу просьбу. Обратись к нему, я думаю, что он поможет тебе в розыске возможных свидетелей того случая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.